

А. РЕМИЗОВЪ

В
ПОЛѢ
БЛАКИТНОМЪ

ОГОНЬКИ
ВЕРЛИНЪ
1922

**Всѣ права сохранены
за авторомъ**

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ВЪ ПОЛѢ БЛАКИТНОМЪ

Издательство «Огоньки»
Берлинъ
МСМХХІІ

ПОСВЯЩАЮ

С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО

Прологъ

Въ Ватагинѣ и черезъ Ватагино ходило много странниковъ — двѣ дороги лежало черезъ село: одна на Кіевъ, другая на Черниговъ.

Странники ночевали у Ильменевыхъ.

Александръ Павловичъ велѣлъ всѣхъ принимать: была такая комната въ домѣ, гдѣ стояли лавки и разбитые шкапы, — тутъ кормили и поили странниковъ, тутъ имъ и ночлегъ былъ.

По селу ходилъ юродивый Карлъ Карловичъ, страшный, весь будто въ щетинѣ, — Оля его боялась: Карлъ Карловичъ что-то говорилъ про Олю, но понять ничего нельзя было, а ея брата Мишу не иначе называлъ, какъ «служителемъ Дворянской опеки», и смѣялся, длинно высовывая языкъ.

Шаталась еще Штунья — бродяжка; ее почему-то въ домъ не пускали.

Передъ Пасхой Оля потихоньку давала ей кулича.

Штунья — на дурномъ счету: говорили, что бродяжка портитъ.

Наталья Ивановна, кормившая грудью Таню — младшую сестру Оли, проходя какъ-то по саду, замѣтила на дорожкѣ свертокъ, перевязанный ленточкой, подняла его, развернула, а тамъ на бумажкѣ — кровь. И на другой же день захворала: пять нарывовъ одинъ за другимъ появилось на груди.

Бумажка съ кровью, бросаема «на примку» — сильная порча, и отъ нея много страдаютъ.

Должно быть, въ чемъ-нибудь такомъ и подозрѣвали бродяжку Штуню.

Немало случалось на селѣ нечистыхъ дѣлъ и ватагинскій батюшка о. Евдокимъ то и дѣло на всходахъ и въ колошенье раскручивалъ крестомъ закрутки, отчего дохода получалось немало.

Не пускали въ домъ и глухонѣмого Микиткузмию, который, однако, всегда ухитрялся пробраться подъ окна: Микитка угрожающе мычалъ, показывая то на землю, то на грудь себѣ, то на небо.

Жутко было смотрѣть: такъ былъ онъ зловѣщъ и ужасенъ.

Какъ-то въ дождь прогнали его со двора. А онъ все не уходитъ, стоитъ у забора, воетъ.

Страхъ охватилъ Олю, ей почудилось: непременно сдѣлаетъ онъ имъ недоброе и вотъ теперь же, когда такъ воетъ, показывая на землю, на грудь и на небо.

Несмотря на дождь, Оля вышла изъ дому и дала нѣмому пятнадцать копѣекъ, — нѣмой отошелъ.

— Куда это ты ходила? — строго спросила Наталья Ивановна.

— Я такъ, погулять, — отвѣтила Оля, и хотя платьице было мокро и ноги промокли, Оля такъ это сказала и такъ смотрѣла, что Наталья Ивановна даже не побранила.

Кромѣ Штуньи и глухонѣмого Микитки всѣхъ пускали.

Всего только разъ отказалъ Александръ Павловичъ какому-то нищему, и случилось это въ Рождество Богородицы — въ храмовой ватагинскій праздникъ.

Памятенъ этотъ день Олѣ.

Послѣ обѣда Оля съ Мишей сидѣли подъ скороспѣлкой и упало яблоко. Оля обрадовалась, подхватила яблоко и бѣжать въ домъ съ диковинкой: скороспѣлки снимаютъ въ іюнѣ, а въ сентябрѣ это

большая рѣдкость. Но по пути вырвалъ Миша изъ рукъ Оли яблоко и сталъ всѣмъ хвастать, что вотъ онъ нашелъ какую невидаль! И какъ Оля ни увѣрjala, что это она первая замѣтила и первая ухватила яблоко, Олѣ никто не повѣрилъ, — Мишѣ всѣ вѣрили.

По лѣтнему подымалась гроза, сильно темнѣло и было тихо, какъ только бываетъ тихо передъ сильной грозой, и вотъ пришелъ нищій: просится пустить въ домъ! — и ему отказали.

Разразилась гроза.

Оля грозы не боялась и только, подчиняясь матери, должна была всякій разъ хорониться на кровати, закутанная съ головой въ шелковыя платья, но въ эту грозу ей было одиноко и душно.

Александръ Павловичъ долго не могъ успокоиться, очень убивался, что не пустилъ нищаго, — отказалъ человѣку въ грозу и дождь.

Оля и сама жалостливая — желанная, какъ называли ее ватагинскія бабы: не зная, какъ помочь старухѣ Митрихѣ — про Митриху слышала она отъ няньки Фатевны — брала Оля изъ шкапа макаронъ и носила старухѣ, чтобы та себѣ супъ макаронный дѣлала.

Странники и богомольцы съ каждымъ годомъ все чаще посѣщали домъ Ильменевыхъ. Бывали хорошіе — хорошо рассказывали, свѣтло, пѣли заунывные стихи; свѣтъ и тишина входили съ ними въ домъ. Но бывали странные, раскосые — страшно становилось, когда переступали они порогъ стараго дома.

Какъ-то въ ворота постучала монашка.

Провели монашку въ домъ: ночевать просится.

Взглянула Наталья Ивановна, и что-то сразу поднялось у нея — не понравилась ей, не хочетъ пускать монашку.

Александръ Павловичъ вступился:

— Какъ, не пустить? Нельзя: на богомолье идетъ. Такъ и пустили.

Когда отдали монашкѣ самоваръ, чтобы ей на ночь чаю напиться, Оля забѣжала въ странную комнату да скорѣе назадъ.

— Мама, это мужчина!

Наталья Ивановна заперлась съ дѣтьми въ дѣтской и не спала цѣлую ночь.

— Засни, дѣточка!

— Нѣтъ, тамъ монашка ходитъ! — не спала и Оля.

Не спала и монашка — всю ночь проходила по комнатамъ — и чуть свѣтъ ушла.

— Недоброе замышляла эта монашка, — говорила послѣ Наталья Ивановна, — посмотрите, какъ ребенокъ испугался!

Александръ Павловичъ самъ задумалъ пройти на богомолье.

Когда ему было девятнадцать лѣтъ, былъ онъ сильно боленъ, выздоровѣлъ и далъ обѣщаніе, — теперь рѣшилъ исполнить обѣтъ.

Съ нянькой Фатовной, не разъ ходившей по святымъ мѣстамъ, да съ ватагинскими и меженинскими стариками и старухами отправился онъ пѣшкомъ въ Кіевъ.

2

Александръ Павловичъ — худой, выскій, борода длинная бѣлая, а глаза синіе пристальные и, когда улыбается, сразу Олѣ дѣлается весело.

Все время проводить онъ у себя — кабинетъ его рядомъ съ комнатою бабушки Анны Михайловны, его матери, — или читаетъ книги старыя въ кожаныхъ переплетахъ или пишетъ или молится. Иногда же поздно вечеромъ выходитъ онъ въ залъ и тамъ сидитъ одинъ въ темнотѣ. Нигдѣ не бываетъ, ходилъ одно время въ церковь, потомъ пересталъ и въ церковь ходить.

А еще недавно въ Ватагино къ Ильменевымъ съѣзжалось много гостей и до утра сиживали за картами, — больше не раскрывались ломберные столы.

И только когда дѣти играютъ въ короли или въ рамсъ, въ особенности въ рамсъ, Александръ Павловичъ, если случится ему проходить, всегда остановится и примется помогать, и тотъ ужъ непременно выиграетъ.

Оля любила, когда онъ помогалъ ей, — Оля страсть любить въ карты играть, — но, если не поплутовать, всегда остается въ дуракахъ, а съ вѣрной рукой спокойно — король! — и плутовать не надо.

А какой былъ Александръ Павловичъ когда-то веселый!

Сосѣдка Ильменевыхъ — старая Боровая рассказывала, какъ пріѣзжалъ онъ изъ полка, какіе привозилъ всѣмъ подарки: своей младшей сестрѣ Надеждѣ, бывало, привезетъ двѣнадцать паръ разноцвѣтныхъ ботинокъ! А зимой какъ заложить, бывало, огромныя сани, соберетъ всѣхъ сосѣдей и кататься, — съ нимъ не соскучишься. А какъ шутилъ! И такъ хорошо пѣлъ и такъ рассказывалъ, пѣтуха прослушаешь.

И еще рассказывала Боровая, какъ Наталья Ивановна влюбилась въ Александра Павловича.

Были они въ гостяхъ въ Ватагинѣ: Боровая, сестра Александра Павловича Надежда Павловна и Александръ Павловичъ женихомъ.

«И какъ возвращаться въ Ватагино, Наталья Ивановна такъ долго прощалась съ Александромъ Павловичемъ, что и метели не было — метель поднялась: едва доѣхали, сбились съ дороги».

Марья Петровна Вольская — двоюродная сестра Натальи Ивановны, по-часту гостившая въ Ватагинѣ, не разъ вспоминала, какъ на балахъ весь вечеръ, сидитъ Александръ Павловичъ въ карты играетъ, но лишь заиграютъ мазурку, карты на столъ, — въ залъ.

— За Александра Павловича, — говорила, захлебываясь, Марья Петровна, — барышни дрались! Какъ заиграютъ мазурку, такъ сердце и замретъ: хоть бы подошелъ Александръ Павловичъ!

А въ годы своего предводительства какіе рѣдкіе устраивалъ онъ празднества и балы!

Старый съ бѣлыми башнями Ильменевскій домъ бывалъ иллюминированъ — на прудахъ подвижные острова и плавающие вензеля, въ саду освѣщенные аллеи, фейерверки, ракеты, музыка.

«Гости, съѣзжавшіеся съ трехъ губерній, — такъ вспоминалось, — то танцовали, то выходили на балконъ любоваться великолѣпной картиной, и тутъ же на балконѣ музыканты и пѣвцы восхищали гостей музыкой и пѣніемъ.»

На долгіе годы оставались воспоминанія объ Ильменевскихъ балахъ.

«Говорили, что самъ хозяинъ приготавлился къ нимъ цѣлый мѣсяцъ, а дамы шили туалеты за два мѣсяца, и можно вообразить себѣ, какъ нарядны, свѣжи и изящны были костюмы!»

Изъ всего, что занимало прежде, оставались однѣ лошади.

Александръ Павловичъ любилъ лошадей: никогда кнутомъ не ударить, а лошади его слушаютъ, — съ ними онъ какъ-то особенно разговаривалъ и заступался.

Оля всегда просить покатать ее, — хорошо, никогда лошади не несутъ, а такъ мчатся, духъ захватываетъ! — и Александръ Павловичъ бралъ ее съ собой и на поле и въ Меженинку къ любимой бабушкѣ Татьянѣ Алексѣевнѣ.

Александръ Павловичъ рѣдко бывалъ съ дѣтьми.

Играютъ дѣти, выйдетъ, сядетъ въ кресло и начнетъ рукой ловить — тѣ визжать, бѣгаютъ, не даютъ — и все-таки, и не вставая, онъ всѣхъ переловить.

И почему-то бывало такъ весело, лучше всякой игры.

Оля во всемъ за одно съ Мишей: цѣлыми днями вмѣстѣ въ саду, — въ путешественниковъ играютъ, строятъ подъ сливой будки изъ досокъ. И только въ одномъ нѣтъ согласія: Оля ходитъ къ отцу въ кабинетъ, а Миша никогда.

А какъ онъ радъ, когда прибѣгаетъ Оля!

Погладить ее по головкѣ:

— Котикъ мой!

И никто такъ не называетъ — никто такъ не ласкалъ Олю — такихъ не говоритъ словъ:

«Котикъ мой!»

Оля присядетъ къ нему на ручку кресла, а онъ, поддѣвая себѣ ногтемъ большого пальца ноготь другого пальца — такая у Александра Павловича была привычка — такъ хорошо говорить, никто такъ не говорилъ съ Олей.

Разсказывалъ онъ Олѣ о Христѣ, какъ Христосъ приходилъ на землю, и училъ Олю любить Христа и любить людей.

— И Христосъ тебя будетъ любить и ты будешь счастливой!

А когда Оля передала, какъ нянька Фатевна говорила ей, что Оля не простая, а генеральская дочка, Александръ Павловичъ строго замѣтилъ, что этимъ Оля не должна гордиться.

— Если спросятъ, чья ты дочь, должна отвѣтить просто: дочь честнаго человѣка.

И еще говорилъ онъ Олѣ, что неважно, кто въ мірѣ считается первымъ и кто послѣднимъ.

— Важно, кто у Бога первый.

Иногда Оля заставляла отца съ бабушкой Анной Михайловной за молитвой: а они оставляли ее, ставили съ собой и Оля тоже молилась.

Было одно, чего никакъ не могъ выносить Александръ Павловичъ — деньги. И всякій разъ, когда рѣчь заходила о деньгахъ, онъ мѣнялся весь, вставалъ и уходилъ.

Однажды, получивъ очень крупную сумму — разсказывали, что это какія-то деньги, которыя дав-

нымъ давно слѣдовало ему получить за крестьянскую землю, — онъ вернулся изъ города, положилъ эти деньги на столъ и упалъ.

3

Богатъ Ильменевскій домъ, бѣлыми башнями глядитъ онъ за просторныя поля въ широкую степь, пышно дѣдовское убранство — почернѣвшее серебро и тусклое золото, дорогой бархатъ и безшумные рытые ковры, поблекшіе амуры и цвѣты на потолокъ, тяжелыя люстры, зеркала, старые портреты въ гостиной, въ диванныхъ, въ портретной — крѣпки стѣны и земля подъ ними крѣпка — насиженное мѣсто, а узорные бронзовые часы на каминѣ, не уставаая, вотъ ужъ вѣка, отбиваютъ звонко минуты.

— Въ домѣ мира нѣтъ, погибнетъ домъ! — нерѣдко говорилъ Александръ Павловичъ.

Какъ-то ночью, когда разговоръ между отцомъ и матерью сдѣлался громче обыкновеннаго, Оля выскочила на балконъ и хотѣла крикнуть: «Люди добрые, помогите!» — думая, что на голосъ ея придутъ и что-то сдѣлаютъ, отчего и уйдетъ это, наполняющее домъ тоской и тревогой. Но не крикнула, не позвала — сама не знаетъ, почему не позвала: или подсказало ей мудрое сердце, что никто, никакіе люди тутъ не помогутъ, — и тихонько вернулась въ дѣтскую.

— Въ домѣ мира нѣтъ, погибнетъ домъ! — повторялъ Александръ Павловичъ.

Вечеромъ, когда Александръ Павловичъ, проходя по столовой, гдѣ обыкновенно сидятъ дѣти, всѣхъ перекреститъ и скажетъ «Христось съ вами» — это означало, что ужъ онъ больше не войдетъ въ комнаты, а будетъ читать у себя, молиться и пойдетъ спать.

— Спокойной ночи! — сказала Оля, и хотя она привыкла, что только одна она говоритъ, прощаясь

съ отцомъ, но въ этотъ разъ ей стало и грустно и одиноко.

Въ эту ночь Оля проснулась отъ шума.

Выбѣжала на крыльцо — на крыльцѣ сидѣла нянька Фатевна — сѣла возлѣ Фатевны.

Нянька рассказала, что Александръ Павловичъ, внезапно заболѣлъ, и хотѣли послать за докторомъ, но онъ не позволилъ:

«Если Богъ поможетъ. хорошо, а доктора все равно не могутъ помочь.»

— Замѣтила я давно, Олюшка, какъ кротъ землю роетъ!

И старуха замолкла.

А Оля сидѣла и дрожала.

Когда въ домѣ поугомонилося и Фатевна отвела Олю въ дѣтскую, Александру Павловичу стало ужъ легче.

— Видите, Наталья Ивановна, я такъ и знала, что это одно представленіе! — услышала Оля, лежа въ кроваткѣ: это тетка Марья Петровна, гостившая въ Ватагинѣ.

И Олѣ захотѣлось сейчасъ же встать и крикнуть на весь домъ, сейчасъ же, и чтобы всѣ слышали:

«Неправда! не можетъ представляться, никогда онъ не представляется!»

И не крикнула — не рѣшилась; и почему не рѣшилась? — или подсказалъ ей кто — какое мудрое сердце? — что этимъ не поможешь.

Александръ Павловичъ, прохворавшій съ недѣлю, совсѣмъ ужъ рѣдко выходилъ въ комнаты, сидѣлъ одинъ у себя, — и вечерами въ кабинетѣ не зажигался свѣтъ.

«Въ домѣ мира нѣтъ, погибнетъ домъ!» — вспоминалось Олѣ и вдругъ она начинала дрожать, какъ тогда ночью, сидя въ одной рубашечкѣ съ Фатевной на крыльцѣ.

Въ Ватагино прїѣхала бабушка Татьяна Алексѣвна — мать Натальи Ивановны. И хотя часто она прїѣзжала въ Ватагино и дѣти по-долгу гостили у ней въ Меженинкѣ, прїѣздъ ея — всегда цѣлое событіе.

Татьяна Алексѣвна — бабушка любимая.

Наталья Ивановна постоянно говоритъ дѣтямъ: — Бабушку любите!

А Олѣ говоритъ особенно:

— Тебя бабушка больше всѣхъ любитъ.

И дѣйствительно, Оля у нея любимица: бабушка все ей позволяетъ и только любитъ, какихъ бы проказъ ни напроказила и какихъ бы чудесъ ни на-творила любимая краснощекая сѣроглазая внучка, и заступается, если Наталья Ивановна за что-нибудь сердится на нее.

За то и Оля, какъ уѣзжать бабушкѣ домой въ Меженинку, подымаетъ ревъ на весь домъ.

И бабушка; чтобы Оля не плакала, даетъ ей для забавы двугривенный и много двугривенныхъ — безъ конца! — передать въ крохотную ручку Оли, пока не уѣдетъ и чаще просто обманомъ.

Съ прїѣздомъ любимой бабушки все словно мѣнялось — и день становился краше и ночь будто звѣзднѣе.

Съ утра до вечера не отходили дѣти отъ бабушки, а Оля особенно.

Александръ Павловичъ, выйдя въ столовую къ чаю, сказалъ, что онъ только что въ гостиной чорта видѣлъ —

— Чорта.

Татьяна Алексѣвна поджала губы — она всегда такъ поджимала губы, когда сердилась.

— Вамъ все черти представляются. Отчего я никогда чорта не видѣла!

— Оттого, что онъ васъ всегда за носъ водить, нечего вамъ ему и представляться, — отвѣтилъ Александръ Павловичъ.

— Лошадей! — закричала вдругъ, разсердившись, бабушка.

И ужъ какъ ни просила Наталья Ивановна, какъ ни ревѣла Оля, не послушала, собралась и тотчасъ уѣхала, погрозивъ, что больше ноги ея не будутъ въ Ватагинѣ.

И безъ того немирно, жутко стало въ старомъ Ильменевскомъ домѣ.

Все затаилось, словно у всѣхъ голосъ пропалъ, и только узорные бронзовые часы на каминѣ по прежнему, не уставая, какъ ужъ вѣка, звонко выбивали минуты.

Оля, забившись въ уголъ, цѣлыми вечерами плакала.

Горьки были и тяжки слезы: ей жалко было любимую бабушку и мать и отца. И жалѣя, какъ-то по своему сердцемъ чувствовала, что никто не виновенъ: ни бабушка, ни мать, ни отецъ.

«Бабушка — она такая — любимая, мама — ихъ, дѣтей, больше всего любить и больше ей ничего не надо, папа — любить ихъ, но что-то и еще любить» —

А чего, и представить она себѣ не можетъ.

Горьки и тяжки были слезы — ничѣмъ не поможешь и помочь нельзя.

— Разрушится домъ, въ которомъ мира нѣтъ! — повторяла, каркая, нянька Фатевна, бродя въ потемкахъ.

И отъ словъ старой сѣдой няньки, выняньчившей всѣхъ дѣтей и самого Александра Павловича, отъ карка ея и шопота нестерпимо становилось: слезы на глазахъ высыхали, словно сгорая, а оттого еще больнѣе было.

Александръ Павловичъ ѣздилъ въ Меженинку и привезъ бабушку — простила его бабушка.

Одинъ, затворившись, проводилъ онъ ночи и дни у себя.

Только по-прежнему одна Оля прибѣгала къ нему.

И какъ онъ радъ, когда прибѣжитъ Оля.

— Котикъ мой! — скажетъ ей тихо и ласково и ласкаетъ, никто такъ не ласкаетъ ее, и не называлъ такъ:

«Котикъ мой!»

5

И вотъ среди различныхъ словъ и толковъ Оля однажды услышала непонятное ей странное слово, сказанное про отца:

— Сумасшедшій.

Много думала Оля надъ непонятнымъ и страннымъ словомъ и изъ прошлаго смутнаго встали передъ ней дни, никогда не забываемые.

Три года назадъ — Оля была еще совсѣмъ маленькая: трехлѣтка — осенью. Натальи Ивановны въ Ватагинѣ не было: отвозила Ирину въ Кіевъ въ институтъ. Дома оставалась съ дѣтьми любимая бабушка. Андрюшка, внукъ Митрихи, цѣлый день каталъ Олю и Мишу на тачкѣ по двору, — очень было весело. На ночь бабушка легла съ дѣтьми въ дѣтской и, передъ тѣмъ, какъ ложиться, почему-то заперла дверь на крючекъ и еще заставила дверь столомъ и стульями. А среди ночи вдругъ разбудили дѣтей, одѣли и тихонько перевели изъ дому во флигель, — въ концѣ сада. На утро бабушка строго запретила бѣгать въ домъ. Но Оля не послушала и побѣжала.

Заложивъ руки за спину, Александръ Павловичъ ходилъ по залу и что-то говорилъ громко, а у камина подъ часами сидѣлъ какой-то черный господинъ неизвѣстный.

Александръ Павловичъ обрадовался Олѣ.

— Здѣсь Богъ! — сказалъ онъ, подавая Олѣ маленькій, наполненный водой хрустальный пузырекъ изъ-подъ духовъ.

Оля взяла пузырекъ: очень онъ ей понравился — маленький граненый съ длиннымъ горлышкомъ.

— Ты знаешь, какъ надо креститься? — Не только такъ — но и такъ!

И, сдѣлавъ крестъ на груди и, перекрестивъ себѣ спину, Александръ Павловичъ вдругъ пристально взглянулъ на Олю и, пораженный, воскликнулъ:

— Ты Иванъ Воинъ!

Тутъ горничная Неонила увела Олю.

Оля слышала потомъ, рассказывали, что Александръ Павловичъ свою мать — бабушку Анну Михайловну съ крыльца толкнулъ и также толкнулъ няньку съ Леной — Лена еще на рукахъ была, а старую няньку Фатевну вѣникомъ выгналъ.

Къ обѣду вернулась Наталья Ивановна и дѣтей перевезли къ сосѣдямъ Лупичевымъ: съ дѣтьми и она поѣхала.

У Лупичевыхъ рассказывали, что Александръ Павловичъ бѣгаетъ по двору и на колодець становится.

Вечеромъ къ Лупичевымъ пришелъ о. Евдокимъ.

Наталья Ивановна плакала.

— Батюшка, — просила она, — посмотрите, какъ будутъ связывать Александра Павловича: чтобы не очень крѣпко!

О. Евдокимъ крестилъ ее и повторялъ, чтобы она не беспокоилась.

На слѣдующій день, когда вернулись домой, и вошли въ комнаты — въ комнатахъ все было перевернуто: вся мебель поломана, стекла выбиты, а по полу валялись большія бутылки изъ-подъ деревяннаго масла да золотыя пуговицы отъ мундира.

Наталья Ивановна весь вечеръ плакала.

А Олю занимали красныя тарелочки — привезла

ей Наталья Ивановна въ подарокъ изъ Кіева, да тотъ пузырекъ изъ-подъ духовъ: маленькій граненый съ длиннымъ горлышкомъ.

Въ Ватагинѣ осталась жить любимая бабушка.

Ужъ въ концѣ осени Наталья Ивановна взяла Мишу и Олю и повезла въ губернской городъ Покидошъ, за семьдесятъ пять верстъ отъ Ватагина:

— Папа васъ хочетъ видѣть.

Въ городѣ въ квартирѣ доктора встрѣтилъ ихъ Александръ Павловичъ: онъ очень обрадовался, цѣловалъ ихъ и плакалъ.

Зиму прожили одни.

Передъ Пасхой опять начались сборы.

— Поѣдьте за папой, привеземъ домой папу, — сказала Наталья Ивановна Мишѣ и Олѣ.

А когда возвращались домой — Оля помнитъ — шелъ первый весенній дождь и было такъ весело!

И еще Оля помнитъ, какъ отецъ показывалъ раны на рукахъ и ногахъ отъ веревокъ, которыми связывали его, и говорилъ, что онъ радъ этому —

— Потому что у Христа были раны.

На первый день Пасхи Александръ Павловичъ пошелъ на село къ тѣмъ мужикамъ, которые его связывали, хотѣлъ похристосоваться, но мужики спрятались: боялись.

Первое время и Оля боялась: нянька Фатевна рассказывала, какъ Александръ Павловичъ скамейку сломалъ, когда его связывали.

Такъ одинъ за другимъ проносились передъ Олей смутные дни, незабываемые и, вспоминая ихъ и думая надъ непонятнымъ и страннымъ словомъ «сумасшедшій», Оля какъ-то по своему сердцемъ почувствовала, что это очень страшно и — очень хорошо, что отецъ не такой, какъ всѣ —

«Такого нѣтъ больше!»

Всякій день бабушкѣ Аннѣ Михайловнѣ зайчикъ конфеты носить, а бабушка ихъ Олѣ отдаетъ.

Только такой строгій зайчикъ: хоть бы разъ принесъ конфетъ до обѣда! И сколько разъ по утрамъ забѣгала Оля въ бабушкину комнату справиться, не приходилъ ли зайчикъ и всегда былъ одинъ отвѣтъ:

— Нѣтъ еще.

А какъ кончить Оля обѣдать, побѣжить къ бабушкѣ, а бабушка прямо ей въ ручку конфетъ: быть, значить, зайчикъ.

Сама Оля этого зайчика никогда не видала, а только отъ бабушки слышала и не сомнѣвается, что зайчикъ ходитъ и носить конфеты — еще бы: всякій день конфеты есть и не только послѣ обѣда, но и по вечерамъ.

Бабушка Анна Михайловна старая, изъ комнаты не выходить, — сидитъ у себя на постели: ноги у нея больныя. Оля это знаетъ и всегда осторожна: никогда бабушку за ноги не тронетъ.

Въ комнатѣ у бабушки жарко, такъ жарко, какъ въ банѣ.

Бабушка въ бѣломъ чепчикѣ, сама маленькая, а надъ кроватью виситъ портретъ, когда бабушка была молодая — тамъ она румяная и большая и шаль на

ней красивая, вся въ цвѣточкахъ. И не вѣрится, что и на портретѣ и на кровати бабушка.

Но Оля вѣритъ, — бабушка ей объяснила: тамъ, на портретѣ, она была «мама» и была большая и румяная, а теперь она «бабушка» и стала маленькая и старая.

Бабушка цѣлыми днями молится, а вечерами рассказываетъ Олѣ сказки про сѣраго волка и про лисицу и про лягушку-турлушку, какъ лягушка пѣсни поетъ. И еще рассказываетъ бабушка, какъ Оля была маленькая и что она тогда дѣлала: какъ въ девять мѣсяцевъ Оля ножками ходить начала и очень рано проситься стала; какъ раздѣвали Олю и пускали голышкомъ по комнатѣ бѣгать — все тѣлце было словно перевязанное, все въ перевязочкахъ; какъ Оля хорошо цѣловалась и какъ хорошо плевалась — дядя Алексѣй Ивановичъ за каждый поцѣлуй и за каждый плевокъ по золотому дарилъ.

Рассказывала бабушка и объ отцѣ Оли — Александрѣ Павловичѣ, какъ онъ былъ маленькій, какъ учился, какъ поступилъ въ полкъ принца Карла Прусскаго и на войну пошелъ, и какъ было тогда землетрясеніе и лампадка передъ образами тряслась.

И о прадѣдушкѣ Оли — Петрѣ Михайловичѣ: большой силы и отваги былъ —

«Бѣшеннаго волка разорвалъ, вотъ какой!»

И о дѣдушкѣ — своемъ мужѣ Павлѣ Петровичѣ: какой онъ строгій былъ —

«Какъ ему ѣхать, бывало, въ городъ на службу, всякій разъ требуетъ, бывало, чтобы къ его возвращенію на столѣ тарелка съ супомъ стояла, — и бѣда, если супа нѣтъ или не горячъ супъ!»

И какъ для безопасности отъ дома до города на пятнадцать верстъ верховыхъ ставили и какъ потомъ Павелъ Петровичъ вдругъ разстроился мыслями.

— И горе, — вспоминаетъ бабушка, — несчастная болѣзнь его была непостижима. Всегда печал-

лень, задумчивъ, не любить ни съ кѣмъ ничего говорить, нигдѣ бывать, никого къ себѣ не принимать, и всегда и всѣмъ, бывало, говорить, что для него нѣтъ ничего милаго и занимательнаго и что для него жизнь несносна. Его всякая малость беспокоила и тревожила, очень мало спалъ, но никакой боли не чувствовалъ, никакой слабости и всегда и всѣмъ, бывало, говорить, что здоровъ. И доктора отказались пользоваться, сказали, что его время используетъ: у его болѣзнь и скорбь душевная, которой воспользоваться имъ не можно.

И еще рассказываетъ бабушка, какъ страшно умеръ дѣдушка Павелъ Петровичъ — зарѣзался! — и тогда отъ ужаса она шесть недѣль проспала и проснулась оттого, что дочь ея Лизочка ее ручками тронула. Лизочка тоже умерла и остался у нея одинъ «папа», а потомъ появилась Оля:

«Олю лебедь принесъ, постучалъ въ окно крылышкомъ и положилъ подъ часы у камина».

— Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ на восходѣ солнца четвертаго дня въ день святого Андрея Критскаго и явленія Пресвятыя Богородицы, яже въ Пергѣи.

Бабушка четырнадцати лѣтъ замужъ вышла и было у бабушки четырнадцать дѣтей, а въ приданое бабушкѣ дали четырнадцать кованыхъ устюжскихъ сундуковъ съ добромъ.

— Званіе всѣхъ вещей не перечислишь, — любила рассказывать бабушка, — пальцевъ для счета не хватить: ну, —

иконъ двѣ — одна Спасителя, а другая Богородична съ шатами,
денегъ три сундука,
дукать серебряный вызолоченный,
ложекъ серебряныхъ столовыхъ и чайныхъ
по три дюжины,
подносовъ серебряныхъ дюжина,
на подносахъ по семи чарокъ: шесть вызолоченныхъ, а одна нѣтъ,

кольцо золотое,
три блюда,
три чашки съ крышкой,
шуба лисичая крытая гарнитуромъ капуци-
новымъ,

сподница гарнитуровая,
кофта атласная,
халатъ гарнитуровый капуциноваго цвѣту,
сподница съ кофтой волнистой тафты,
сподница дрезетовая вишневая,
шуба заячья крытая красною кафой,
кунтушъ суконный вишневаго цвѣту,
другой суконный голубого цвѣту,
шуба баранковая крытая вишневымъ сук-
номъ,

шубенка баранковая крытая голубымъ сук-
номъ,

халатъ камлотный зеленаго цвѣту,
другой красный камлотный,
кофта и сподница репишовыя зеленыя,
сподница венецкой каламанки,
полуштаметовыхъ двѣ,
полотняныхъ двѣ,
запаска полутобейковая одна,
и тафтяная бѣлая одна,
• кофта байковая сѣрая,
кофта байковая вишневая съ мушками,
кофта красной кафы,
платокъ шелковый бытевой бѣлый поло-
сатый,

другой гарнитуровый,
третій штофной красный,
четвертый тафтяной алый,
пятый тафтяной зеленый,
бумажныхъ приношенныхъ два,
корсетовъ тафтяныхъ два,
три сундука скатертей тканыхъ взоромъ и за-
полочью,

ручники шитые заполочью,
хустки тканья,
платки бѣлые,
фартуки,
рубашекъ женскихъ тридцать двѣ,
мужскихъ восемь,
три сундука полотна кужольнаго и конопля-
наго,

запона,
наволочки большія,
маленькія наволочки,
простыни полотняныя,
одна простыня шитая заполочью,
намитки,
килимы,
коверъ,

а въ четырнадцатомъ и послѣднемъ сундукѣ:

ковдра набойчатая,
плахоть закладанныхъ съ шелкомъ двадцать
двѣ,
да еще плахоть шесть,
запосокъ філяшевыхъ десять,
перина,
подушекъ двѣ большихъ,
меньшихъ двѣ,
еще меньшихъ двѣ,
намиста краснаго десять низокъ
и десять жемчужнаго,
запасокъ валеныхъ три,
поясъ крапковый,
основа пляная,
клубковъ девять,
рушниковъ сыровыхъ семь,
четырнадцать дойныхъ коровъ съ назим-
комъ

Слушаетъ Оля, мимо ушей слова не проронить, — и раскрывается передъ ней сундукъ за сундукомъ верхъ добра, а послѣдній и четырнадцатый съ коровами.

— Пошли доить, — вспоминаетъ бабушка, — а вмѣсто молока кровь. А какъ стали искать, вѣдму на топчакѣ и поймали съ длинными волосами въ бѣлой рубахѣ, совсѣмъ дѣвчонка.

Иногда бабушка беретъ рѣзную шкатулку и показываетъ Олѣ драгоцѣнности.

Олѣ больше всего нравится золотая кольцами цѣпь съ изумрудами, но еще больше — такъ сейчасъ на шею себѣ и надѣла бы! — золотой медаль-сердцемъ съ картинкой: два страшныхъ льва разинули пасти, а изъ пасти пламя.

И каждый рязъ Оля проситъ отдать ей и цѣпь съ изумрудами и медальонъ со страшными львами.

Но бабушка драгоцѣнности кладетъ обратно въ шкатулку.

— Когда вырастешь большая, — говоритъ бабушка, — папа тебѣ все отдастъ, все будетъ твое. Пуще глаза береги медальонъ, другого такого нѣтъ, фамильный Ильменевскій съ папинымъ гербомъ: голова львова, сѣра-космата, съ огненной пастью въ полѣ блакитномъ.

— Голова львова, сѣра-космата, съ огненной пастью въ полѣ блакитномъ, — повторяетъ каждый разъ Оля.

Какъ-то у бабушки зубъ выпалъ.

— Положи этотъ зубъ въ ящикъ, что подъ образами, — сказала бабушка Олѣ.

А Олѣ захотѣлось поиграть съ зубомъ, стала она его на рукахъ перебрасывать и вертѣть, какъ кубарикъ.

— Зубъ мнѣ надо будетъ въ гробъ положить, — остановила бабушка, — когда воскресну, чтобы недолго по землѣ ползать — свои кости собирать. Все вмѣстѣ должно быть.

Вечерами Наталья Ивановна часто играет на фортепіанѣ, и такъ хорошо играетъ: Оля не пошевельнется, слушаетъ. А когда кончить играть, подходитъ къ фортепіану Оля, натащитъ себѣ цѣлую гору нотъ на стулъ, усядется и давай сама наигрывать.

— Оля у насъ будетъ музыкантшей! — говоритъ про Олю Наталья Ивановна.

Послѣ обѣда по обыкновенію Оля зашла къ бабушкѣ спросить о зайчикѣ, но бабушка ничего не отвѣтила и конфетъ не дала. Оля поняла, что бабушка нездорова, и не стала надѣдаться.

И вечеромъ не пошла она къ бабушкѣ спросить о зайчикѣ, а сѣла за фортепіано подбирать пальчиками ноты и такъ занялась, что даже и о зайчикѣ забыла.

И вдругъ на порогѣ въ залу появилась бабушка —

Бабушка подползла къ двери и сказала такимъ тихимъ глухимъ голосомъ, что у Оли пальчики вздрогнули:

— Оля, позови папу!

Долго и послѣ Оля боялась этой двери, изъ которой выползла бабушка.

А какъ тогда ей страшно было! какъ замирало и тукало сердце!

Наканунѣ возили дѣтей на вечеръ къ сосѣдямъ Лупичевымъ — у Лупичевыхъ всякій годъ на Петра и Павла устраивали вечеръ, справляли и рожденье и именины сыновей-близнецовъ Петра и Павла, — накануне Оля поздно легла, а въ эту ночь не могла заснуть.

Ей все мерещилось: то будто дѣдушка Павелъ Петровичъ такой, какъ на портретѣ, въ красномъ мундирѣ, съ ножомъ ходить, то будто вѣдьма съ длинными волосами въ бѣлой рубахѣ совсѣмъ дѣв-

чонка прибѣжала на дворъ и на топчакѣ руками что-то дѣлаетъ, то будто сундукъ, а изъ сундука четырнадцать дойныхъ коровъ — рога высунули, то промелькнетъ зайчикъ съ конфетами, а за зайчикомъ голова львова, сѣра-космата, съ огненной пастью въ полѣ блажитномъ, и опять, какъ вечеромъ, подползаетъ къ двери бабушка и говоритъ тихимъ глухимъ голосомъ:

«Оля, позови папу».

И сонъ ей нехорошій приснился.

Ей приснилось, будто весной идетъ она по саду къ пруду, а въ высокой травѣ въ очеретѣ мужикъ стоитъ — коса на плечѣ, лохматый, одинъ глазъ съ бѣльмомъ. И показалось Олѣ, что вотъ сейчасъ бросится изъ травы на нее мужикъ съ косою — —

Тутъ она и проснулась отъ страха.

И послѣ едва ужъ заснула: все боялась — все ей казался лохматый мужикъ, коса на плечѣ, глазъ съ бѣльмомъ.

А чуть только утро забрезжило, отецъ разбудилъ Олю и повелъ въ комнату къ бабушкѣ. Тамъ ужъ была Ирина и Лена и Миша и еще былъ ватагинскій батюшка о. Евдокимъ съ дьячкомъ.

Бабушка сидѣла на постели бѣлая, вся въ бѣломъ, держала въ рукахъ свѣчку.

— Поцѣлуй, Оля, руку у бабушки! — сказалъ отецъ.

Бабушка дрожащей рукой перекрестила Олю.

Александръ Павловичъ сѣлъ на кровать рядомъ съ бабушкой и, поддерживая свѣчку въ рукѣ ея, сказалъ:

— Въ руки Твои, Господи, передаю духъ мой!

3

Среди дня, когда дѣти играли въ любимую игру — лѣпили изъ песку пасочки, позвали ихъ изъ сада и повели въ залу —

— Поклониться бабушкѣ, которая померла.

Вся въ бѣломъ лежала бабушка на столѣ наискось отъ камина съ бронзовыми узорными часами противъ чудотворной Ильменевской Божьей Матери: въ рукахъ — крестъ, а лицо кисеей закрыто.

Мухи садились на руки и на лицо бабушки.

Нянька Фатевна отгоняла мухъ.

Весной, когда умерла младшая сестра Таня, Оля никакъ не могла понять и все спрашивала: какъ это такъ бабушка старая и живеть, а Таня маленькая и умерла?

«Но вотъ и за бабушкой, значить, пришелъ чередъ, — рѣшаетъ Оля, — только лежитъ бабушка въ бѣломъ, а не въ голубомъ платицѣ, какъ Таня, и нѣтъ на глазахъ пяточковъ, а у Тани пяточки клали!»

Золотой быстрый зайчикъ бѣгалъ по бабушкѣ, игралъ на крестѣ и по вѣнчику и только на закатѣ вдругъ ускакалъ на каминъ, юркнулъ въ узорные бронзовые часы и больше ужъ не показывался.

Нянька Фатевна положила бабушкѣ подъ голову всѣ зубы ея и поставила стаканъ съ водой въ головахъ у бабушки.

— Чтобы бабушкина душа купалась! — объяснила старая нянька Олѣ.

Оля не сводила глазъ со стакана — бульбульки подымались въ стаканѣ — и Олѣ представлялось: бабушкина душа купается —

«Ишь, ныряетъ въ стаканѣ!»

Много народа съѣхалось въ Ватагино, полнымъ полно въ Ильменевскихъ флигеляхъ, всѣ комнаты заняли.

Приѣхала изъ Меженинки любимая бабушка Татьяна Алексѣевна, а изъ города дядя Алексѣй Ивановичъ — братъ Натальи Ивановны — докторъ, приѣхали тетки — сестры Александра Павловича — Людмила Павловна и Надежда Павловна и сосѣди Боровые, Лупичевы, Сахновскіе, Грачи и чудной

лубенецкій старичокъ Ксаверій Матвѣевичъ съ Александриной Кенсориновной на своихъ на апостолахъ, какъ величалъ чужаковъ, и такіе родственники и такіе знакомые, которыхъ Оля съ роду не видывала и о которыхъ ничего не слышала.

И унесли бабушку въ церковь.

А какъ несли, всю дорогу звонили: звонъ такой — плачетъ, а все бѣ его слушалъ, такъ за сердце хватаетъ.

Поставили бабушку посреди церкви и ушли.

А церковь заперли.

Оля все беспокоилась и все просила, чтобы скорѣе бабушку въ могилу зарыли —

«А то бабушкѣ страшно одной ночевать въ пустой церкви».

На слѣдующій день хоронили бабушку.

Оля плакала: ей жалко было бабушку.

— Не плачь, Олюшка, — утѣшала нянька Фатевна, — увидишь ты бабушку обязательно, какъ сама помрешь, придетъ свой чередъ, и бабушка тебѣ обрадуется. А пока-что бабушка станетъ о тебѣ Богу молиться.

Оля успокаивалась и переставала плакать.

— Что же ты не плачешь? — замѣчала нянька Фатевна, — поплачь, Олюшка, обязательно! А то душа бабушкина увидитъ, что ты не плачешь, и подумаетъ, что тебѣ не жалко ея, и ей станетъ обидно.

И Оля много плакала, — старалась не развлекаться.

Похоронили бабушку рядомъ съ дѣдушкой возлѣ церкви — на цвинтарѣ тамъ, гдѣ много крестовъ — крестъ ко кресту — Ильменевскіе.

Не было бабушки — пусто было въ ея комнатѣ.
Не приходилъ зайчикъ, не приносилъ конфетъ.

Не было и стола, на которомъ бабушка лежала бѣлая, вся въ бѣломъ. И бѣлымъ было закрыто зеркало надъ каминомъ.

Горѣла лампадка передъ чудотворной Ильменевской Божьей Матерью да узорные бронзовые часы на каминѣ ходили.

— Въ день смерти бабушки, — рассказывала нянька Фатевна, — приснился бабушкѣ сонъ, будто входитъ къ ней въ комнату дѣвочка — въ рукахъ бѣлый платочекъ; и знаетъ бабушка: пришла эта дѣвочка, чтобы въ бѣломъ платочкѣ унести ея душу.

— Каждый человекъ всякую минуту умереть можетъ, — сказалъ отецъ Олѣ.

И Олѣ страшно смерти —

«Придетъ чередъ, придетъ дѣвочка — въ рукахъ бѣлый платочекъ: и всѣ комнаты, всѣ флигеля — весь домъ опустѣетъ».

Старая была бабушка Анна Михайловна, изъ комнаты не выходила, все сидѣла у себя на постели, а нянька Фатевна еще старше, хоть и ходитъ всякое лѣто пѣшкомъ на богомолье.

Оля слушается няньку Фатевну: говорили, что Фатевна все знаетъ.

По субботамъ нянька Фатевна моетъ дѣтей въ ваннѣ.

Когда мылить голову Олѣ, что-нибудь непременно расскажетъ: рассказывала нянька, что сама она шестьдесятъ ужъ лѣтъ головы не моетъ —

«Потому что не полагается мыть головы, когда замужъ выйдешь, — грѣхъ замужней женщинѣ хоть на одинъ часъ простоволосой остаться».

И еще рассказывала, что живетъ она такъ долго и еще проживетъ много, потому что почитала своихъ родителей.

— А ты, Оля, — говорить нянька Фатевна, — такъ долго не будешь жить: мамы ты не слушаешься, все-то на мельницу бѣгаешь.

— Седьмой годъ живу на бѣломъ свѣтѣ! — возражаетъ Оля и, кулачками протирая замыленные глаза, говорить ужъ пресѣкающимся голосомъ: — а зайчикъ, который бабушкѣ конфеты носилъ, тоже померъ?

Оля, если усядется на старую ильменевскую кушетку утѣшительную, ноги ея далеко не достаютъ до края, такъ что и еще одному свободно помѣститься можно, такая она еще маленькая.

Куколъ Оля не любитъ, а подарятъ ей куклу, отдастъ другимъ дѣтямъ, сама не играетъ.

Всю любовь ея забрали себѣ маленькія всякія вещицы, такія разныя чашечки маленькія, коробочки, боченочки, — и съ ними Оля играетъ, какъ въ куклы, прячетъ, перекладываетъ, хранить.

Эти драгоценности свои хранить Оля въ большой черной шкатулкѣ — любимая бабушка подарила! — въ шкатулку же складываетъ она и подарки! — коробки съ конфетами, ихъ у нея тихонько отбираютъ, и Оля не догадывается, не замѣчаетъ! — и въ эту же шкатулку на масляницѣ Оля и блины положила, чтобы ея блины лежали —

— «Все вмѣстѣ!»

А есть у Оли особенно любимыя вещицы, съ ними она рѣдко когда расстаётся, и все съ собой таскаетъ, любимыя.

Была Оля въ гостяхъ у сосѣдей, вернулась домой, хватъ, а любимого боченочка и нѣтъ — нѣту

боченочка, забыла! — и сейчас же назадъ собралась.

Боченочекъ тамъ, она знаетъ его, она живо пробѣжитъ за нимъ, и опять онъ съ нею будетъ, маленький ея боченочекъ.

И ужъ сбѣжала Оля съ крыльца черезъ дворъ бѣжать — —

На дворъ сбѣжала собака, да не какая, а бѣшеная — бѣшенка! — и по двору поднялся такой шумъ и гамъ, такъ всѣ переполошились: дѣтей уводили въ домъ и Олю нянька Фатевна потащила за собой назадъ въ комнаты.

Какъ передъ грозой, затворяли окна.

И всѣ двери были заперты.

Жутко на дворѣ были собаки.

Жутко на дворѣ было, и посмотрѣть страшно.

На вой сбѣгались со дворовъ собаки, а бѣшенная съ ними управлялась: бѣшенка катала собакъ — она набрасывалась и рвала ихъ зубами — опрокинетъ собаку на-земь и опрокинутую рветъ, только шерсть летитъ!

Кубаремъ катались собаки — на голову, визжали отъ бѣшеной боли, визжали клокочущимъ раздражающимъ визгомъ!

Бѣшенный визгъ и вой стоялъ по двору.

Куда и думать было и не только выйти во дворъ, а и носъ показать за дверь — по самому важному дѣлу едва ли кто бы рѣшился выйти изъ дому!

Были отряжены люди на село за мужиками, и теперь дожидались: придутъ мужики съ кольями, прикончатъ собаку.

Но какъ же тутъ быть, какъ Олѣ такъ долго оставаться безъ ея любимаго боченочка?

Ждать она не хочетъ — ей сейчасъ его надо!

И ну Оля плакать, да какъ — —

Оля такая: если чего захочетъ, такъ ей и подавай сейчасъ! — на полъ ляжетъ, на полу объ полъ руками и ногами бьется — изволь подать!

У Ильменевыхъ сидѣли гости.

И всякій тутъ, какъ могъ, уговаривать сталъ Олю и утѣшать: о мужикахъ толковали ей, вотъ придутъ мужики съ кольями и тогда хоть куда, а то все равно никто не пойдетъ за боченочкомъ, никто не согласится, всѣ люди попрятались.

— Нельзя!

— Невозможно!

А Оля слышать ничего не хочетъ: на полу бьется объ полъ, плачетъ, да какъ! — давай и давай ей боченочекъ, достань его сейчасъ — —

— Боченочекъ!

И вотъ Александръ Павловичъ, отецъ Оли, — любилъ онъ Олю! — взялъ палку, поднялъ съ полу на руки къ себѣ Олю — Оля такъ и охватила его за шею, куда дѣвались и слезы! — и пошелъ съ ней изъ комнатъ, отперъ дверь, вышелъ на крыльцо и во дворъ прямо —

И тотчасъ бѣшенка, бросивъ собакъ, кинулась на него.

3

Дорога отъ крыльца до калитки показалась Олѣ такой долгой, какъ отъ крыльца до церкви, нѣтъ, еще длиннѣе, какъ отъ крыльца до мельницы —

Очень, очень страшно было Олѣ.

Палкой отбивался отецъ, отшвыривалъ собаку, такъ и шелъ — палкой совалъ собакъ въ горло, засовывалъ ей палку въ самое горло.

Задыхалась собака — отставала и вдругъ снова накидывалась и еще бѣшеннѣе и злѣе еще.

Отъ страха все крѣпче и крѣпче хваталась Оля за шею отца, стискивала рученками и ужъ такъ крѣпко, что онъ и кричать не могъ на собаку — Оля душила его.

И не догадывалась — не замѣчала! — Оля думала:

«Папа ничего не боится, и только ей, Олѣ, очень, очень страшно!»

Долгая дорога отъ крыльца до калитки окончилась — Александръ Павловичъ вынесъ Олю за ворота.

И скоро въ рукахъ у Оли былъ опять ея любимый боченочекъ.

А тутъ и мужики подоспѣли: несли мужики колья на бѣшеную собаку —

Оля пишетъ правильно: не дѣлаетъ ошибокъ.

По русскому языку Олѣ всегда пять.

Учительница Наталья Васильевна и любитъ Олю именно за то, что пишетъ она правильно.

— А почему она пишетъ правильно?

Этотъ вопросъ задаетъ себѣ Оля, сама же придумываетъ и объясненія, — и одно изъ объясненій кажется ей самымъ вѣрнымъ.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ часто бывали у Оли бессонницы, и вотъ, бывало, лежитъ она ночью въ кроваткѣ, не спитъ, и для развлеченія разлагаетъ слова —

ко-ро-ва
та-рел-ка
мед-вѣдь

«Навѣрно, — рѣшаетъ Оля, — я тогда по ночамъ всѣ слова разложила и оттого всѣ слова и пишу правильно».

И у кого уютно Оля замѣтитъ ошибку.

А вѣдь она еще только въ третьемъ классѣ.

А лѣтъ ей одиннадцать.

Подходятъ праздники — Рождество.

Оля мечтаетъ домой: въ городѣ живетъ она въ пансіонѣ, а всѣ тамъ — въ Батагинѣ.

Оля ждетъ, вотъ пріѣдутъ за ней.

А нѣтъ, пріѣхалъ за Наташей Григорьевой ея братъ — Григорьевы въ трехъ верстахъ отъ нихъ, — а Олѣ письмо отъ матери.

Пишетъ Олѣ Наталья Ивановна, что Юрій Васильевичъ Григорьевъ привезетъ ее въ Батагино: она объ этомъ его просила.

Прочитала Оля письмо и замѣтила въ письмѣ двѣ ошибки.

— Двѣ ошибки!

На утро пошла Оля въ гимназію за отпускнымъ билетомъ.

А начальница ей никакого билета не дала — отпускать домой не хочетъ.

— Я не могу васъ отпустить съ чужимъ молодымъ человѣкомъ! Если бы вы мнѣ представили какое-либо удостовѣреніе въ видѣ ли письма вашей матери или отъ вашего отца, что они разрѣшаютъ вамъ ѣхать съ нимъ, тогда бы я васъ отпустила.

У Оли сердце упало.

А въ карманѣ лежитъ письмо: если она его покажетъ, начальница сейчасъ же дастъ ей отпускъ, и завтра же она будетъ дома, поспѣетъ какъ-разъ.

«Но вѣдь въ маминомъ письмѣ двѣ ошибки! Начальница замѣтитъ, что моя мама сдѣлала двѣ ошибки. Нѣтъ, ни за что!»

Такъ и не показала.

И осталась безъ отпуска.

Вернулась Оля въ пансіонъ — всѣ развѣзжаются по домамъ: за кѣмъ отецъ пріѣхалъ, за кѣмъ мать, кого по письму.

Одна Оля остается.

И весь день и ночь и слѣдующій день и ночь Оля проплакала.

Въ сочельникъ пришла въ пансіонъ тетка Марья Петровна и взяла Олю къ себѣ: она только-что узнала, что домой Олю не отпустили.

И у тетки Оля проплакала весь день: глаза отъ слезъ стали красные, опухли, носъ покраснѣлъ и опухъ.

А все плачетъ.

— Да отчего жъ ты письма-то не показала! — возмущалась Марья Петровна.

— Тамъ — — двѣ ошибки.

И опять, какъ вспомнить домъ — зажжена елка, всѣ сидятъ... любимая бабушка рассказываетъ о волхвахъ, какъ волхвы со звѣздъ путешествовали, и всякій разъ представляется Олѣ, что волхвовъ много и всѣ они женщины, несутъ звѣзду въ рукахъ и звѣзда имъ путь освѣщаетъ! — какъ вспомнить и въ слезы.

Только къ вечеру успокоилась — зажгли тетки елку.

3

На утро въ первый день Рождества пріѣхалъ Александръ Павловичъ: цѣлую ночь ѣхалъ онъ на почтовыхъ изъ Ватагина.

Какъ бросилась къ нему Оля — какъ ей было все близко, свое, и тяжелая николаевская шинель и сѣдая голова отца, до которой она едва дотягивалась, и эти глаза! — Оля завизжала отъ радости.

Ну — — и ѣхать.

Не дождавшись обѣда, поѣхали домой.

Дорогой Олѣ было не по себѣ — не могла она на саняхъ ѣздить! — очень измучилась.

И подъ конецъ укачало — заснула.

А проснулась оттого, что лошади громко фыркнули.

Да они ужъ у крыльца.

Въ окнѣ елка горитъ — —

А на крыльцѣ Наталья Ивановна, любимая бабушка, нянька Фатевна — всѣ стоять, вышли, поджидаютъ Олю.

Оля выскочила — и опять ей радость! — чаю попросила, а ужъ чай готовъ съ лимоннымъ вареньемъ.

«Мама поняла, что со мной дорогой дѣлалось!» — пила Оля чай изъ своей любимой чашки съ лимоннымъ вареньемъ.

Тутъ и сосѣдскія дѣти пришли.

Много бѣгали они вокругъ елки.

Много имъ всякихъ сластей дали.

А самое любимое они сами себѣ сдѣлали: на свѣчкѣ жгли сахаръ и получались конфеты — имъ это очень нравилось и только рѣдко позволялось — но какія вкусныя конфеты!

На ночь Олю перекрестилъ отецъ, мать и бабушка.

Отецъ сказалъ:

— Христосъ съ тобой!

Мать сказала:

— Ангелъ хранитель надъ тобой!

А бабушка пошептала:

— Святъ, святъ, Господь!

И когда Оля лежала въ постели подъ любимымъ одѣяломъ, нянька Фатевна что-то по угламъ смотрѣла:

— Надо всѣ лампадки зажечь. Сегодня нечистая сила злая: ей досадно, что Христосъ родился.

И проходя, тоже перекрестила Олю.

И Оля заснула крѣпко, заводя носикомъ счастливую пѣсню.

Коса у Оли довольно большая и съ голубой ленточкой.

Если спросить Олю, что она больше всего любить, Оля такъ и отвѣтитъ:

— Пасху.

Такъ и считаетъ свои дни отъ Пасхи до Пасхи.

За одиннадцать лѣтъ много она чего знаетъ, и все знаетъ, что нужно на Пасху.

Когда посадятъ тортъ въ печку, Оля ложится и плачетъ въ подушку — такъ надо немного поплакать, и тортъ выйдетъ хорошій;

когда всходятъ куличи, Оля по комнатамъ не ходитъ, потому что не хорошо куличу, если ходятъ — можно босикомъ и то развѣ при крайней нуждѣ.

Съ куличами большая забота: не удадутся — выйдетъ внутри пустышка, и ужъ въ этомъ году такъ и знай, въ домѣ непременно умретъ кто-нибудь, — съ куличемъ держи ухо востро!

Во всемъ, что бы ни дѣлалось — во всѣхъ пасхальныхъ приготовленіяхъ Оля принимаетъ самое большое участіе.

Оля смотритъ какъ старая нянька Фатевна бьетъ тѣсто передъ тѣмъ, какъ сажать его въ печку: какъ захватить его изъ квашни да бросить на доску, да разъ бросить, да въ другой бросить, да въ третій — Фатевну и тѣсто слушаетъ!

Оля помогаетъ раскладывать свѣжіе куличи на подушки — свѣжіе куличи непременно надо класть на подушки!

Дѣлаетъ красивыя бумажки подъ торты.

И еще многое множество всякихъ дѣлъ передѣлаетъ, нужныхъ для такого краснаго дня, отъ котораго Оля всѣ свои дни считаетъ.

Одно не дается — никакъ не можетъ Оля отдѣлать желтки отъ бѣлковъ;

да еще не даютъ. Олѣ растирать лапаточкой творогъ въ мокотрѣ: прошлой Пасхой растирала, растирала, дно у мокотры и отскочило.

— Я говорила, что изъ нашего полку не будетъ толку! — сказала тогда нянька Фатевна.

Ну да что, со временемъ и эти мудрости Оля постигнетъ, — смышленная она дѣвочка, умница.

2

Вербная недѣля на исходѣ.

Пройдетъ еще день, два и распустятъ на Пасху.

Изъ дому Оля получила письмо: и отецъ и мать одно пишутъ, что не придется Олѣ пріѣхать домой въ Ватагино.

«Дорога испортилась — сильный разливъ — пріѣхать нельзя!»

Очень это Олю взволновало: никогда еще не проводила она Пасху въ городѣ и представить себѣ не можетъ, какая тутъ Пасха! — она знаетъ и любитъ свою ватагинскую, ее и дожидается, о ней и думаетъ.

Вотъ наступить Страстная недѣля — день за днемъ вся недѣля въ какой-то горячкѣ.

А въ великую субботу ужъ такое подымется, такая суматоха, нѣтъ никакого порядка: успѣлъ пере-

кусить — хорошо, не успѣлъ — пеняй на себя! — ужъ очень всѣмъ дѣло по-горло.

И придетъ, наконецъ, вечеръ субботы.

Всѣ дѣти ложатся спать до одиннадцати, а ровно въ одиннадцать нянька Фатевна всѣхъ разбудить: пора собираться къ заутренѣ.

Когда Оля нарядная въ бѣломъ платьицѣ съ голубой ленточкой проходить по залу, ей страшно —

Въ углу передъ чудотворной Ильменевской Божьей Матерью лампадка горитъ — одна лампадка освѣщаетъ огромный залъ.

Посреди зала отъ фортепіано до камина съ узорными бронзовыми часами бѣлый столъ, убранный цвѣтами.

На столѣ куличи и паски:

паска бѣлая,
паска коричневая,
паска большая,
паска маленькая,
еще поменьше;

и торты:

песочный тортъ,
масляный тортъ,
бакалейный тортъ,
шоколадный тортъ,
хлѣбный тортъ,
миндальный тортъ;

и щетинистый окорокъ,
и индюкъ, начиненный бѣлой кашей съ миндалемъ,
и телячья нога;
вина, наливки:

розовая,
кружовенная,
барбарисная,
сливянка желтая,
сливянка красная,

и, наконецъ, — поросенокъ.

Олѣ страшно поросенка.

Какъ войдетъ она въ залу, поросенокъ ей такъ прежде всего въ глаза и бросается: лежитъ поросенокъ важно на блюдѣ прямо подъ люстрой и во рту у него хрѣнь.

Почему Оля поросенка боится, она и сама сказать не можетъ, но всякую Пасху, какъ проходитъ по залу, его-то именно и страшно: лежитъ поросенокъ на блюдѣ, а во рту хрѣнь.

Всѣмъ домомъ пѣшкомъ отправляются въ церковь — въ эту ночь ѣздить нельзя: впереди съ фонаремъ кучеръ Григорій, за Григоріемъ Миша и Лена, за Мишей и Леной Наталья Ивановна съ Ириной, за Натальей Ивановной ключникъ Ѳедотъ Кривой и камердинеръ Ѳедотъ Прямой, за Ѳедотами съ узелкомъ нянька Фатевна, а далеко впереди — впереди всѣхъ Оля и съ ней Александръ Павловичъ.

И во весь путь замираетъ сердце:

«А что если въ этомъ году, — думаетъ Оля, — не такъ будетъ? Вдругъ да не будутъ пѣть «Христосъ Воскресъ»?»

Возлѣ церкви бабы сидятъ — на головѣ бѣлыя намитки длинныя, какъ савань.

И куличи и поросенки и паски, принесенные въ церковь святить, бѣлымъ холстомъ покрыты, возлѣ бабъ лежатъ.

Олѣ вспоминается, какъ сказалъ ей однажды отецъ и не разъ говорила нянька Фатевна, будто въ Пасхальную ночь мертвые встаютъ изъ гробовъ.

Оля всматривается въ бабъ — —

Да это вовсе не бабы, а мертвые — покойники съ кладбища сидятъ у церкви!

И хочется Олѣ поближе взглянуть и жмурится отъ страха.

Въ крестномъ ходу Оля идетъ рядомъ съ ватагинскимъ батюшкой о. Евдокимомъ, а за нимъ съ народомъ — съ мужиками и бабами идутъ и мертвые, покойники, и покойница бабушка Анна Михайловна и помершая сестра Таня.

Оля знаетъ, слышитъ — шаги ихъ сзади чувствуетъ — ихъ много въ бѣлыхъ саванахъ и старыя въ бѣломъ, какъ бабушка, и маленькія въ голубыхъ платицахъ, какъ Таня —

И только сердце стучить.

И когда крестный ходъ проходитъ мимо могилы бабушки, свѣчка у Оли какъ сердце, — и въ колеби свѣчи она видитъ: могила бабушки раскрыта стоитъ.

Такой былъ обычай въ Ватагинѣ: Ильменевскій кучеръ Григорій въ пасхальную ночь представлялъ дьявола.

Онъ одинъ оставался въ церкви во время крестнаго хода и, ставъ у дверей, изо всей силы припирая плечомъ, держалъ двери, чтобы не пустить обратно крестный ходъ въ церковь. Но лишь только на паперти скажетъ батюшка: «Да воскреснетъ Богъ» а за нимъ въ первый разъ запоютъ «Христось Воскресъ», тутъ не выдержать дьяволъ, обезсилить, скорчится весь и, отпустивъ двери, опрометью бросится черезъ всю церковь, да куда-нибудь и проскочить —

Распахнутся двери и со свѣтомъ свѣчей хлынутъ: — Христось воскресъ!

Оля плачетъ — не замѣчаетъ слезъ — видитъ она такой свѣтлый радостный свѣтъ, чувствуетъ, какъ охватилъ этотъ свѣтъ ея сердце, всю душу, всю ее, и не можетъ не плакать —

— Христось воскресъ!

— Олюшка, — шепчетъ ей на ухо нянька, —

какое у тебя личико свѣтлое, Олюшка, Христось Воскресь!

А кончится заутреня, отстоять обѣдню и домой.

Впереди съ фонаремъ кучерь Григорій, за Григоріемъ Миша и Лена, за Мишей и Леной Наталья Ивановна съ Ириной, за Натальей Ивановной ключникъ Ѳедотъ Кривой и камердинеръ Ѳедотъ Прямой, за Ѳедотами сзади всѣхъ съ узелкомъ нянька Фатевна.

А Оля съ отцомъ опять далеко впереди.

И много обгоняетъ они мужиковъ и бабъ — съ куличами, поросенками, пасками.

Чуть только брежжитъ — въ хатахъ огоньки горять.

Дома ждутъ батюшку — весь домъ освѣщенъ — ждутъ не дождутся.

И наконецъ прїѣзжаетъ о. Евдокимъ, святить паски, христосуется.

А Оля ужъ давно успѣла перехристосоваться и не только съ домашними и со всею прислутою, а и съ цвѣтами и съ любимыми коробочками, со всѣми книгами, кромѣ... географіи — она не любимая.

О. Евдокимъ отрѣжетъ себѣ кулича и паски, первый попробуетъ, и тогда всѣмъ можно — тогда начнутъ разговляться.

«И какъ это батюшка не лопнетъ!» — думаетъ Оля, глядя на о. Евдокима, который всего долженъ первый попробовать и не только у нихъ, но и у всѣхъ ихъ сосѣдей: и у Боровыхъ и у Лупичевыхъ и у Сахновскихъ и у Григорьевыхъ, и даже въ Лубенцахъ у чудного старичка Ксаверія Матвѣевича.

А какъ весело проходить первый день!

Хорошо на первый день качаться на качеляхъ, прыгать на доскахъ, катать яйца — —

Цѣлый день звонятъ въ колокола.

Оля знаетъ, что только для пасхальной ночи — для перваго дня она и на свѣтѣ живетъ.

И развѣ можетъ Оля въ эту ночь не быть дома въ Ватагинѣ? Развѣ можетъ она остаться здѣсь въ городѣ, въ пансіонѣ, гдѣ за зиму все надоѣло?

Нѣтъ, Оля знаетъ и одно себѣ твердить — непременно поѣдетъ.

И ужъ такъ будетъ рада, такъ рада, что и съ географіей похристосуется!

Чувствуетъ Оля свою вину передъ географіей.

Прошло Вербное, прошли три первые дня — понедѣльникъ, вторникъ и среда Страстной недѣли — говѣла Оля и причащалась — прошли и Страсти.

Никто за Олей не ѣдетъ.

И вотъ, когда ужъ, кажется, не оставалось никакой надежды, въ Великую субботу утромъ пріѣхалъ сосѣдъ Ильменевыхъ Сохновскій, зашелъ въ пансіонъ Линде — и Олю съ нимъ отпустили домой.

3

Все было готово и столъ былъ убранъ, когда пріѣхала Оля въ Ватагино.

И ей оставалось только провѣрить, такъ ли все сдѣлано: такъ ли яйца покрашены и какіе куличи и паски и какой поросенокъ.

— Не ожидала ты, что пріѣдешь на Пасху?

— Нѣтъ, мама, я навѣрное знала, что пріѣду.

— Сердце лучше знаетъ: и ни словами, ни письмами его не обманешь! — сказалъ Александръ Павловичъ, любуясь на свою сѣроглазку.

И когда пришла ночь, все случилось такъ, какъ и прежде.

Какъ и въ прошлые годы, проходя по залу, Оля забоялась поросенка, а по дорогѣ въ церковь очень волновалась, что вдругъ да не будутъ пѣть «Христосъ воскресъ», видѣлись ей мертвые, покойники у церкви, а на крестномъ ходу въ колеби свѣчи, раскрытая могила бабушки, и опять, какъ запѣли въ

первый разъ «Христось воскресъ», отъ радости плакала, а нянька Фатевна шептала:

— Олюшка, какое у тебя личико свѣтлое, Олюшка, Христось воскресъ!

Оля рѣшила во что бы то ни стало не пропустить восходъ солнца.

Нянька Фатевна ей рассказывала, что на первый день Пасхи солнце особенно восходить:

— Ясно видно на солнцѣ, какъ Христось . изъ гроба встаетъ, а то, какъ Христось возносится, а то просто крестъ изъ солнца выходитъ.

И вотъ, когда разговѣлись и уѣхалъ о. Евдокимъ, и весь домъ спать улегся, Оля поднялась въ башню, гдѣ библіотека, и сѣла у окна ждать солнца.

И показалось солнце —

красное —

золотое —

весь садъ загорѣлся, всѣ птицы зачирикали.

Поднялось солнце надъ садомъ, стало прямо противъ башни — — зарябило въ глазахъ у Оли.

И Оля ничего не увидала.

Пошла Оля къ нянѣ, разбудила няньку Фатевну.

— Что это значить, ничего я на солнцѣ не увидѣла?

— А ты, вѣрно въ ту самую минутку глаза зажмурила, — сказала старая нянька, — а я такъ вотъ видѣла: Христось изъ гроба вставалъ, Олюшка.

Повѣрила Оля Фатевнѣ.

«Христось изъ гроба вставалъ!»

И не долго печалилась.

Ужъ на будущую Пасху Оля всѣ глаза проглядитъ — она увидитъ! и пускай слезы градомъ текутъ, не сморгнетъ, не зажмуритъ глазъ! — она все увидитъ.

Оля — шалунья изъ первыхъ, кажется, смирно минуты не посидить, такъ и распуститъ свои крылышки—начнетъ кричать да кружиться по залу, никакими силами не остановишь, всю гимназію на но-ви подыметъ.

Ну, и сердитая тоже.

— Когда осержусь, я стану, какъ платье! — не разъ сама говорила Оля еще до гимназіи и при этомъ показывала на свое любимое красное съ черными мушками фланелевое платьице, — вотъ я какая!

Самый любимый учитель Яковъ Степановичъ Теофилактовъ, физикъ, преподававшій въ четвертомъ классѣ географію, — такой былъ обычай въ Покидо-шенской гимназіи: учителей физики заставляли преподавать географію.

И Яковъ Степановичъ преподавалъ географію.

Въ четвертомъ классѣ проходилась Россія.

Отдавая предпочтеніе городамъ лишь губерн-скимъ, Яковъ Степановичъ справлялся со всей прочей географіей безъ затѣй — по просту: онъ рассказывалъ случаи, происходившіе съ нимъ, когда пѣшкомъ ходилъ онъ по Россіи съ своимъ пріятелемъ —

— причемъ пріятель былъ знающій, а онъ незнающій.

Всякій разъ, что бы ни объяснялось, всегда появлялся этотъ пріятель знающій.

Путешествуя какъ-то по непроходимымъ боло-тамъ, Яковъ Степановичъ завязъ по колѣно въ тря-сину да такъ, что и выбраться не было никакой воз-можности, а пріятель знающій, какъ на грѣхъ, за-пропостился куда-то; а другой разъ отъ пустяковой полспички, разведя на опушкѣ костеръ, сожгли ста-рый дремучій лѣсъ, самъ же Яковъ Степановичъ спасся подъ какимъ-то заячьимъ кустикомъ и то только благодаря случаю.

И все въ такомъ родѣ — живо, наглядно, зани-мательно.

Разказы ли о пріятелѣ или кто донесъ на Якова Степановича, будто, ударившись въ воспоминанія, Яковъ Степановичъ чуть ли не въ четвертомъ клас-сѣ сказалъ на урокѣ,

— что человѣкъ отъ обезьяны произошелъ! только съ нѣкоторыхъ поръ на географіи стала появляться начальница и директоръ.

При такомъ нашествіи Яковъ Степановичъ, ни-сколько не смущаясь, вызывалъ самыхъ плохихъ уче-ницъ, да тѣмъ и кончался урокъ, и никакихъ ужъ разказовъ не разказывалось, а задавалось повто-рить на слѣдующій разъ старое. Такъ ни съ чѣмъ и уходило начальство.

Самой любимой вещицей былъ для Оли ея ма-ленькій глобусъ, хранимый вмѣстѣ съ коробочками, къ которымъ Оля чувствовала какую-то особенную трогательную нѣжность, но Оля не любила географіи и, когда ее вызывали, болтала изъ головы, что Богъ на душу положить, но бойко и смѣло.

— Вотъ-вотъ, имѣйте это въ виду! — одобрялъ Яковъ Степановичъ.

И не только за такое любили Якова Степановича.

— Другой, напримѣръ, учитель, скажи-ка по-пробуй, что урока не приготовила, сейчасъ тебѣ еди-ницу или вонъ изъ класса, а Яковъ Степановичъ ни-когда, только признайся по истинной по правдѣ, от-кровенно.

• И правда, вотъ хотя бы такое объясненіе частое на урокахъ географіи.

Гимназистка не выучила урокъ.

— Почему не выучили?

— Ъздила кататься.

— Куда же ѣздили?

— За Кіевскій мостъ.

— Ну какъ теперь дорога? я, знаете, давно не катался! — Яковъ Степановичъ сладко потягивается: до катанья онъ большой охотникъ, — съ кѣмъ же вы ѣздили?

— Съ однимъ знакомымъ.

— Вотъ это я люблю: ѣздили кататься, — что за бѣда! кататься, такъ кататься, а то: голова болѣла, зубы болѣли — эти отговорки.

А вѣдь за катанье да еще съ какимъ-то знакомымъ въ Покидошенской гимназій, гдѣ классныя дамы слѣдили на улицахъ, узнай только начальница, — три за поведеніе непременно, а то и выгонять.

А какъ Яковъ Степановичъ зѣвалъ сладко и слаще зѣвалъ онъ въ самое неподходящее время — на экзаменахъ и при начальствѣ, когда, кажется, и парты и стѣны и столъ съ потолкомъ трепетали.

Высоченный, такъ что гнулся, кудри свѣтлорусыя по плечи, носъ раздвоенный на кончикѣ, будто срослось два поса, и одна губа — и ужъ куда ни смотри и какъ ни заглядывай, за этой верхней губой у Якова Степановича ничего не найдешь, словно нѣтъ и не было ничего.

Яковъ Степановичъ влюбился въ учительницу приготовительнаго класса Фаину Александровну Громову.

Ужъ давно это примѣтили, всѣмъ это извѣстно и переизвѣстно. Ждали съ нетерпѣніемъ развязки, сами назначали день свадьбы и ужъ готовились всѣмъ классомъ поздравить, и вдругъ Яковъ Степановичъ объявляетъ:

— Сегодня я у васъ въ послѣдній разъ или предпослѣдній. Я уѣзжаю.

— Какъ?. — подымается классъ.

— Уѣзжаю.

— Останьтесь! — кричать, — не уѣзжайте, Яковъ Степановичъ!

— Нѣтъ, не могу, — Яковъ Степановичъ взлохмачивается и такъ подпираетъ кулаками себѣ скулы, что не только что глазъ, даже носа, раздвоеннаго на кончикѣ, и носа не видно, лишь торчитъ единственная одна губа да рыжая борода коломъ, — не могу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя чело-вѣку оставаться, если тебя не понимаютъ, если тебя отвергаютъ.

— Останьтесь, мы васъ понимаемъ! — кричать гимназистки.

Для всякаго ясно: конечно, Яковъ Степановичъ объяснился съ Фаиной Александровной и получилъ отказъ.

— Нѣтъ, не могу, я уѣзжаю, — стоитъ на своемъ Яковъ Степановичъ.

— Не уѣзжайте, останьтесь, не уѣзжайте! — ужъ реветъ классъ и воетъ и не то нарочно, не то вразъправду, разобрать невозможно.

— Извините, даже и для васъ не могу, извините!

Да такъ и ушелъ — цѣлый мѣсяцъ ни слуху, ни духу. Только черезъ мѣсяцъ является и такой веселый, глаза синіе такъ и блестятъ.

— Господа, я остаюсь.

И ужъ ни для кого не тайна, всѣ догадались: конечно, Яковъ Степановичъ женится на Фаинѣ Александровнѣ. И много уроковъ проходитъ такъ въ разговорахъ.

Такая была привычка у Якова Степановича: ходить онъ, ходить по классу, а найдется пустая парта, сядетъ.

Когда Яковъ Степановичъ садится передъ Олей, Оля начинаетъ его изводить: тихонько поймавъ на карандашъ волосъ, наматываетъ на карандашъ да и дернетъ.

Бѣдный Яковъ Степановичъ то и знай, почесывается, а на другой день смотришь: кудри разлопущены — голову мыль! — на блоху, значить, погрѣшилъ.

*

Самый страшный учитель — Филимонъ Петровичъ Кураповъ, историкъ.

Никакія уловки и увертки ни къ чему не приводятъ.

Одна гимназистка попробовала обморокъ представить, такъ онъ только со стула всталъ.

— Да не представляйтесь вы, идите на мѣсто! — только и всего.

Ну та и пошла.

А какія единицы ставитъ онъ сочныя да усатыя — такъ во всю клѣтку! — ножемъ не выскаблишь, и за сущія пустяки.

Одна назвала папу Льва X —

— Папа Лѣва X.

— единица.

Другая сказала, что въ Турецкую войну миръ былъ заключенъ —

Въ Стефанъ Баторіи.

— единица.

Третья, рассказывая про Юлія Цезаря, не передохнула, гдѣ это слѣдуетъ:

— Среди заговорщиковъ, — рассказывала гимназистка, — Юлій Цезарь, увидѣвъ облагодѣтельствованнаго имъ Брута, воскликнулъ: «И ты, Брутъ, завернулся въ свою тогу и упалъ мертвый къ подножію Помпеевой статуи».

— единица.

Когда, объяснивъ урокъ, Филимонъ Петровичъ садится и, поправивъ свои сѣдые вихры, весь уходитъ въ журналъ, всѣ холодѣютъ и такая тишина наступаетъ — не только муху, самую что ни на

есть маленькую невидимую мушку слышно, и въ эту-то страшную минуту Оля надувала щеки и хлопала по нимъ кулаками.

И хоть ты тамъ весь столъ карандашомъ просту-чи — а Филимонъ Петровичъ въ такихъ случаяхъ всегда по столу карандашомъ стучалъ — все равно не узнаешь, откуда такой звукъ щекный.

*

Учится Оля хорошо, понятливая.

Понятливости ей не занимать стать. Еще когда младшую сестру Лену — Лена на три года младше Оли — отнимали отъ груди, Оля, прослышавъ, какъ бабушка совѣтывала матери намазать грудь горчицей съ медомъ, принесла Ленѣ тряпочку, чтобы та грудь вытерла.

— А то горько будетъ.

Толково сдѣлаетъ разборъ, толково расскажетъ, — все у Оли въ памяти, никогда не зубрила и дается легко, диктанты безъ ошибки пишетъ и любую задачу рѣшить.

Гроза гимназiи — учительница ариѳметики Катерина Θεодоровна довольна Олей.

А Катерина Θεодоровна, щедро раздававшая не только единицы и двойки, а и свои ею изобрѣтенныя нотабены, не дура была озадачить: заставить, на-примѣръ, задачу рѣшить да чтобы не какъ обыкновенно, а съ конца — ну-ка рѣшай.

Но Оля и съ конца рѣшить: бойко перечислить всѣ вопросы, какіе являются въ рѣшеніи, и не съ перваго вопроса, какъ обыкновенно, а съ самаго послѣдняго до перваго, въ томъ вся и хитрость.

И все-таки при переходѣ изъ второго класса въ третій Олѣ дали переэкзаменовку по ариѳметикѣ.

Дѣло вотъ какъ было. Приѣхалъ ревизоръ и потребовалъ вызвать самую лучшую ученицу. Вызвали Олю. А Оля ни въ зубъ: наканунѣ ее спраши-

вали, и само собой, въ книгу она не заглядывала и объясненій не слушала. Поставила Катерина Ѳедоровна единицу. А на экзаменѣ такую задала Олѣ задачу — общей задачи не было — рѣшала Оля, рѣшала, послѣдней тетрадку подала и ничего не рѣшила. Дали повѣрку. На повѣркѣ та же задача — и опять двойка. Такъ и назначили переэкзаменовку. И кому ни расскажетъ Оля свою задачу, никто рѣшить не можетъ. А задача-то просто-напросто была нерѣшаемая, такія есть задачи въ задачникахъ.

— Это у насъ особые счеты! — объясняла Катерина Ѳедоровна учителю, который, присутствуя на переэкзаменовкѣ и видя, какъ Оля все хорошо знаетъ, очень былъ удивленъ, что Оля провалилась на экзаменѣ.

*

Оля хочетъ учиться. Еще со второго класса она твердо рѣшила учиться и много.

Заболѣло у Оли горло, а лѣчила ее докторша Шрейберъ, — Оля должна была ходить къ ней разъ въ недѣлю, — и въ первый же разъ Олѣ очень понравилась мѣдная именная дощечка:

Женщина-врачъ Фрида Лазаревна Шрейберъ.

Вотъ съ этихъ поръ она и стала мечтать сдѣлать-ся докторомъ.

А для этого, — какъ она узнала, — надо много учиться.

И твердо рѣшила учиться и много.

Только Оля какая-то несуразная, никакъ не можетъ наладиться: то опрокинетъ чернильницу, то воду прольетъ, или оступится или ударится и всегда на такомъ мѣстѣ, гдѣ другой цѣлехонекъ пройдетъ, глядь — и готовъ синякъ, а то руку обожжетъ или носомъ стукнется до крови. Ровно бы и земля ее не держитъ, — такъ всякій день и жди бѣды.

Когда Оля была совѣмъ маленькой, чуть было калѣкой на всю жизнь не осталась.

Подали однажды самоваръ, поставили на табуретку и, какъ нарочно, въ столовой никого не случилось, только одна Оля. И вотъ подошла она къ самовару да какъ-то не то толкнула, не то зацѣпилась, самоваръ-то и скovyрнулcя да прямо на нее: всѣ ей ноги ошпарило.

И какъ стали чулочки снимать, такъ съ кожей вмѣстѣ и сняли.

Долго ли до грѣха, какъ еще ноги то уцѣлѣли?

Но это еще сполгоря, могло произойти и похуже.

Оля постоянно терялась.

Пойдетъ, бывало, гулять съ кѣмъ изъ большихъ и непременно или отстанетъ или впередъ уйдетъ и, конечно, затеряется. И куда идетъ, сама не знаетъ, такъ на волю Божью, словно вѣтромъ несетъ ее. Схватятся, ищутъ-ищутъ да гдѣ-нибудь въ концѣ-концовъ и совѣмъ въ непоказанномъ мѣстѣ — либо въ оврагѣ, либо на чужомъ дворѣ, либо далеко на полѣ — и найдутъ ее.

Разъ очутилась она на краю села возлѣ еврейской хаты, дороги-то не знаетъ, сѣла на землю и плачетъ. Изъ хаты вышли евреи, стали къ себѣ звать въ хату, — не идетъ, еще пуще плачетъ:

— Очень ужъ обидѣлась, зачѣмъ евреи называли ее Любой, — была убѣждена, что имя ея всѣ знаютъ.

Насилу тогда отыскалась: привелъ домой старый еврей.

А иногда умудрялась Оля затеряться даже у себя дома: зайдетъ, бывало, въ дальнюю комнату — Ильменевскій домъ старинный, огромный, девятнадцать комнатъ — а назадъ-то выйти и не можетъ: двери тяжелыя — рученокъ ея не слушаются, затвориться, затворятся, а отвориться — нѣтъ, тяжелы очень, ну и заберется куда подъ диванъ или подъ кровать и лежитъ тамъ, плачетъ, пока не найдутъ.

— Если затеряешься на улицѣ, — сказалъ какъ-то Александръ Павловичъ, — только скажи какому-нибудь человѣку и тебя приведутъ ко мнѣ, фамилія твоя Ильменева.

Съ тѣхъ поръ Оля знаетъ свою фамилію, и съ тѣхъ поръ ей не страшно, что заблудится.

«Затеряюсь, скажу фамилію, меня и приведутъ къ папѣ — папу всѣ знаютъ!»! — такъ разсуждала Оля и, когда терялась, ужъ больше не плакала, держа на языкѣ встрѣчному свою фамилію.

Правда, теперь въ городѣ какъ будто пообвыкла, а то просто хотъ за руку держи и ни на шагъ не отпускай.

*

Оля большая чудачка.

— Мама, я хорошо помню, какъ была твоя свадьба! — не разъ говорила Оля.

А! когда Наталья Ивановна ей объясняла, что Оля этого никакъ не можетъ помнить, ее тогда на свѣтѣ не было, а родилась она черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ свадьбы, Оля начинала спорить: она приводила всякія малочи изъ обстановки той комнаты, гдѣ она лежала спеленутая на кровати въ день свадьбы.

И въ самомъ дѣлѣ, однажды Оля лежала на кровати точь-въ-точь въ такой комнатѣ — тутъ она ничего не выдумывала — но это когда ей шесть недѣль было и возила ее Наталья Ивановна съ собой на свадьбу въ сосѣднее имѣніе за пять верстъ отъ Ва-тагина.

Оля увѣряла, что родилась на сѣдлѣ и что Наталья Ивановна не настоящая ей мать, а настоящая мать ищетъ ее, и когда Олѣ будетъ шестнадцать лѣтъ, Оля найдетъ ее и еще найдетъ подругу себѣ — сестру, которую непременно будутъ звать тоже Олей.

— Я родилась на сѣдлѣ въ полѣ и моя настоящая мама ищетъ меня, — повторила Оля.

Какъ-то случилось, ѣхала Наталья Ивановна съ Олей и Леной по желѣзной дорогѣ. Во время остановки Оля и Лена вызвались итти на станцію за водой. Наталья Ивановна позволила, но потомъ остановила Лену: Лена можетъ упасть и пускай сходитъ одна Оля.

Олю это страшно огорчило.

— Конечно, я же знаю, не моя настоящая мама, настоящая мама и меня не отпустила бы, я тоже могу упасть.

Такъ безъ воды и остались: Оля одна не захотѣла итти.

Оля очень хотѣла, чтобы была ей Наталья Ивановна именно той настоящей матерью, которую найдеть она, когда ей будетъ шестнадцать лѣтъ. Вотъ почему дома въ Ватагинѣ Оля любила немножко хворать. Наталья Ивановна становилась тогда такая добрая къ ней и больше всѣхъ любила ее.

— Какъ настоящая мама!

Если же Оля здорова, Наталья Ивановна ее меньше любить, — такъ кажется Олѣ, — а больше всѣхъ любить Ирину — Ирина старше Оли на шесть лѣтъ — и за то, что она самая старшая и за то, что она самая послушная, и всегда въ примѣръ Олѣ ставить.

Оля чудачка да и потѣшная, что говорить.

Ну какую она штуку выкинула совсѣмъ еще крохотной!

Повадилась на полѣ садиться: усядется и сидеть себѣ тихонько. Пробовали спрашивать, зачѣмъ такъ сиднемъ сидитъ? — въ отвѣтъ ни слова, только лукаво посматриваетъ, а на руки взять, — не идетъ, крикъ подымается.

А все дѣло, какъ оказалось, вотъ въ чемъ: замѣтила Оля, какъ на сонъ грядущій нянька Фатевна, раздѣвшись, засвѣтитъ огарокъ да, засунувъ голову подъ воротъ рубашки, съ огаркомъ блохъ ловить, и

пришла Олѣ охота тоже на сонъ грядущій блохъ ловить, а блохъ-то и нѣтъ.

«Если сяду я на полъ, — разсуждала Оля, — да буду сидѣть тихо, придутъ ко мнѣ блохи, и будетъ у меня блохъ много, чтобы ловить».

Первое время въ гимназiи Оля всякій день учила всѣ уроки, всѣ, какіе задавались и по всѣмъ предметамъ, хотя бы эти предметы и не числились въ росписанiи, и носила въ портфель всѣ учебники и всѣ тетради. Въ портфель всѣ книги и всѣ тетради заразъ не помѣщались, Оля уминала ихъ кулаками, и скоро сдѣлались онѣ мятые и порванные. На Олю стали нападать за неаккуратность, а учительница русскаго языка Наталья Васильевна, хотя Оля и была у ней любимая, вывела ей въ четверть вмѣсто пяти четыре.

— За мятые тетрадки.

Но что тутъ подѣлаешь, видно, такъ ужъ полагается, — такая гимназiя.

И недаромъ, наслушавшись разсказовъ своей старшей сестры Ирины, пріѣзжавшей въ Ватагино изъ института на каникулы, Оля, еще мечтая о гимназiи, представляла ее себѣ какъ разъ такой строгой и взыскательной, подъ стать учительницѣ русскаго языка, и не безъ гордости толковала нянькѣ Фатевнѣ:

— Знаешь, няня, поступлю я въ гимназiю, а въ гимназiи-то какъ! зададутъ выучить наизусть вотъ такую толстенную книгу, на другой день заставятъ отвѣчать: «а» пропустишь, — двойка.

Какъ-то послѣ исповѣди, чтобы скоротать время — ни ѣсть, ни пить не полагалось — гимназистокъ повели гулять. Оля попросилась зайти въ фруктовую лавку. Былъ у ней всего-на-всего одинъ рубль, — этотъ рубль предназначался положить батюшкѣ на теплоту. Въ лавкѣ забрала она яблокъ, и оказалось, что они какъ разъ рубль и стоятъ, и она заплатила и осталась съ пустымъ карманомъ. Хорошо

еще классная дама во-время поправила дѣло: яблоки были возвращены въ лавку, а рубль обратно.

Въ первый разъ, когда Оля оставалась на Пасху въ городѣ, первой стоя въ парѣ въ гимназической церкви, первая подошла послѣ заутрени къ батюшкѣ — законоучителю Аристотелеву ко кресту и все тянулась, чтобы похристосоваться, но батюшка Аристотелевъ, считая неприличнымъ христосоваться съ гимназистками хотя бы и младшаго класса, уклонился отъ поцѣлуя, подставляя для поцѣлуя вмѣсто себя крестъ. Разъ десять Оля поцѣловала крестъ.

Во второмъ классѣ Оля состригла себѣ брови и за поведеніе ей выставили четверку.

Ну, развѣ не чудачка!

2

Въ гимназію Оля поступила девяти лѣтъ въ первый классъ. Ее хотѣли отдать въ институтъ, но она подняла такой крикъ, что волей-неволей, а пришлось уступить, какъ пришлось однажды уступить, когда на пятомъ году задумала Оля исповѣдываться. Весь сырѣ-боръ загорѣлся только оттого, что брата ея Мишу — Миша старше Оли на два года — отво-зили въ гимназію, а Оля непременно хотѣла, чтобы вмѣстѣ.

Съ братомъ Оля дружила: цѣлыми днями, бывало, играя въ путешественниковъ, вмѣстѣ строили подъ сливой будки изъ досокъ, вмѣстѣ учились у одного учителя Ивана Ильича. Какъ же тутъ не поднять крику?

Когда Олю увозили въ гимназію, она обѣжала весь домъ, весь садъ и весь дворъ, прощаясь съ каждымъ уголкомъ въ домѣ, въ саду и во дворѣ.

Въ гостиной, въ диванныхъ, въ кабинетѣ, въ портретной прощалась съ портретами: и съ тѣмъ

пурпурнымъ орлоокимъ, чье прозвище «могучій» и съ тѣмъ смутлымъ—черемнымъ, чье прозвище «грозныя ночи» и съ гордой красной панной изъ гетманскаго рода Гедройцевъ и съ нѣжной, какъ кипень, бѣлой панной изъ воеводскаго рода Гастольда и со всѣми дамами и кавалерами — со всѣмъ своимъ родомъ — старыми и молодыми, въ парчѣ, въ соболяхъ съ бунчуками, въ бархатѣ, въ пудрѣ, въ шелкахъ, съ такими веселыми и ненаглядными и такими хмурыми и страшными лицами, и съ дѣдушкой въ красномъ мундирѣ.

Въ саду прощалась Оля съ недостроенными будками и съ сажелкой и съ прудомъ и со старыми липами, яблонями, грушами, акаціями, подъ которыми игралъ дѣдушка, когда былъ маленькій, и со всѣми бесѣдками, съ «философской бесѣдкой» въ особенности, гдѣ живетъ эхо и, если покличешь, ну совсѣмъ, какъ ты, повторитъ твой кликъ, и съ оранжереями и со статуями и съ любимыми цвѣтами: съ «уголкомъ въ огонькѣ», съ «растрепанными барышнями», съ астрами, съ махровой мальвой и розами.

Въ конюшнѣ прощалась со всѣми конями, въ хлѣву — со скотомъ, въ птичникѣ — съ птицею, въ дровотнѣ — съ дровами, гдѣ любила сидѣть вечеромъ подъ серебряной осокою, въ возовнѣ и въ сараѣ — съ машинами и экипажами: съ бѣдой, съ чертопхайкой, съ шарабанами, съ трепыхталкой и съ трундулетомъ, на которомъ помѣщалось душъ двадцать, — заглянула на крышу сарая, гдѣ на одной ногѣ стоялъ аистъ, стерегъ Олино счастье, простилась и съ аистомъ, подвернулся Кадо, и съ Кадо, охотничей рыжей собакой, и со всѣми дворнягами, черными и бѣлыми.

— Прощайте, — запыхавшись говорила Оля, — вапа Оля уѣзжаетъ въ гимназію.

И чудилось ей, всѣ отвѣчаютъ:

— Прощай Оля, пріѣзжай скорѣе.

— Пріѣду, пріѣду гимназисткой въ коричневомъ платьѣ съ чернымъ передникомъ.

Побѣжала за ворота къ церкви на цвинтаръ на могилу къ бабушкѣ, а съ цвинтара обратно черезъ клубнику въ клуню, — тянулись къ клунѣ возы съ хлѣбомъ, шумѣла молотилка, — взяла зерна полныя горсти, стала среди двора противъ дома съ бѣлыми башнями, оглянула далеко вокругъ, высоко подбросила зерна — и въ закатѣ золотыми, какъ пчелы золотыя, понеслись они къ небу и синимъ дождемъ осыпали Олю.

И казалось, сама печь, стѣны дома стали за Олю.
— Прощай, Оля, прѣзжай скорѣе.

*

Оля крѣпкая дѣвочка, рослая, краснощкая, коса у ней свѣтло-русая, а брови густыя и черныя, точно начерченные. Въ первый день въ гимназіи проходу ей не давали и трогали-то за щеки и тискали и тормозили, но ее занимали вѣшалки — ихъ въ прихожей было такъ много и такъ чудно можно было по колышкамъ рукой проводить съ конца на конецъ.

Прасковья Ивановна Пѣнкина, начальница пансіона, куда отдали жить Олю, напротивъ, съ перваго же дня возненавидѣла Олю.

Тощая, стриженная, зеленая, вся такая то застарѣлая, начальница то и дѣло шпыняла Олю.

Оля уроки приготовляла скоро и возни съ ней никакой не было, но всякій разъ, какъ Оля входила въ классную комнату, гдѣ занимались другія дѣвочки, начальница выгоняла ее:

— Иди вонъ, корова!

Или призвавъ къ себѣ, начинала допрашивать, чѣмъ Оля себѣ зубы чистить, отчего они у ней такіе бѣлые, и когда Оля отвѣчала, что ничѣмъ не чистить, снова выгоняла ее:

— Иди вонъ, корова!

Олю очень обижало, что ее такъ называютъ, и не любила она Прасковью Ивановну.

Обиду Оля чувствовала остро.

Въ Батагинѣ однажды Оля и старшая сестра Ирина пошли гулять съ управляющимъ въ лѣсъ. По пути пришлось перелѣзть черезъ изгородь. Ирина быстро перелѣзла, а Оля — тогда еще совсѣмъ маленькая — карабкалась-карабкалась и не можетъ.

— Такой пузырь маленькій, а туда же лѣзетъ! — смѣялся управляющій и, взявъ на руки, перенесъ.

Олю это такъ обидѣло, цѣлую недѣлю проплакала, но ни за что не хотѣла сказать, о чемъ плачетъ.

Впослѣдствіи обида выражалась у Оли совсѣмъ по другому, — не въ молчаливыхъ слезахъ.

Но теперь даже и молчаливыхъ слезъ не было, Оля старалась избѣгать Прасковью Ивановну. Много чего было такого занимательнаго въ этомъ пансіонѣ, и обида какъ-то забывалась.

По субботамъ около десяти, когда гимназистки укладывались спать, у Прасковьи Ивановны Пѣнкиной собирались гости.

Гости были все свои люди, по преимуществу учителя, учительницы и класныя дамы Покидошенской женской гимназіи. Всѣ они размѣщались въ залѣ, одна изъ дверей которой выходила въ комнату, гдѣ спали гимназистки младшаго класса.

Кровать Оли стояла какъ разъ у этой двери и обыкновенно по субботамъ Оля не спала до тѣхъ поръ, пока не расходились гости, и ей всегда казалось ихъ такъ много, негдѣ яблоку упасть.

Въ числѣ гостей былъ и любимый Яковъ Степановичъ Оеоеилаковъ, учитель физики и географіи съ одной губой и раздвоеннымъ носомъ, рассказывавшій такъ же весело, какъ и въ классѣ, про свои путешествія по Россіи съ пріятеlemъ знающимъ, и самый страшный учитель — историкъ Филимонъ Петровичъ Кураповъ-Таптыга, говорившій при встрѣчѣ съ дамами неизмѣнно: «съ почтеніемъ, съ уколениемъ!» на манеръ щеголеватаго лавочнаго

«здравствуйте, пожалуйста!» ходоваго у Покидошенскихъ приказчиковъ, и гроза гимназіи Катерина Ѳедоровна, заставлявшая рѣшать задачу съ конца и ставившая нотабены, и три классныя дамы: Марья Петровна, Марья Димитріевна, Марья Терентьевна — сухія и зеленыя, чѣмъ-то напоминавшія и начальницу гимназіи Марью Ивановну и начальницу пансіона Прасковью Ивановну, хотя ни разу въ разговорахъ ни о какомъ родствѣ ихъ между собой ничего не упоминалось, затѣмъ батюшка законоучитель Аристотелевъ, про котораго говорилось, что послѣ открытія мощей въ Покидошѣ, онъ на мощахъ себѣ домъ построилъ, какъ говорилось про знаменитаго въ Покидошѣ дантиста, что тотъ на покидошенскихъ зубахъ себѣ домъ построилъ.

Иногда приходилъ и другой батюшка Свободинъ — законоучитель въ младшихъ классахъ. Этого батюшку въ гимназіи любили, а въ городѣ не иначе называли, какъ Іовъ Многострадальный.

Въ одну зиму умерла у батюшки жена и сынъ отъ скоротечной чахотки, а весной утонула младшая дочь. Да при этомъ такая путаница вышла — нехорошо: за суматохой не разобрать, кто утонулъ — купались-то двѣ батюшкины дочери, и какъ полѣзли въ рѣку искать, побѣждалъ кто-то къ батюшкѣ и сказалъ, что утонула старшая Катя — одноклассница съ Олей. А немного погода приходитъ Катя домой, правда одѣта странно: въ одной рубашкѣ и въ шляпкѣ, но онъ на это ужъ не посмотрѣлъ, очень обрадовался, словно изъ мертвыхъ воскресъ, подумалъ, никто не утонулъ — спутали, а тутъ младшую выловили и несутъ въ домъ уже мертвую. Оля была на похоронахъ, видѣла, ой, какъ страшно: итти ужъ батюшка не могъ, а ползъ на четверенькахъ за гробомъ и всю дорогу отъ дома до церкви и потомъ отъ церкви до самаго кладбища — такъ ползкомъ.

Батюшка Свободинъ тихій, его и не слышно, это вотъ Топтыга Филимонъ Петровичъ историкъ — и

не голосъ у него совсѣмъ, а какой то чутунъ литейный.

А самымъ важнымъ и желаннымъ, но и рѣдкимъ гостемъ былъ учитель словесности Павелъ Николаевичъ Соловьевъ. Если Якова Степановича любили, а Филимона Петровича боялись, то Павла Николаевича обожали и не только старшія гимназистки, которымъ онъ преподавалъ словесность, но и младшія — по наслышкѣ.

Цѣлыхъ трехъ Павловъ Николаевичей можно было бы сдѣлать изъ одного Якова Степановича, притомъ деликатенъ — на учителя даже не похожъ, обращался къ гимназисткамъ не иначе, какъ называя каждую «госпожа такая-то», золотыя очки, носикъ съ задоринкой вверхъ, усы и колышкомъ борода, никогда не ловилъ, никогда не доносилъ, а высшее негодованіе свое выражалъ лишь замѣчаніемъ:

— Вы, право, пишете сочиненія, какъ кухарки.

А попадись Филимону Петровичу любое изъ сочиненій, вызывавшее лишь замѣчаніе Павла Николаевича, да что бы Филимонъ Петровичъ на его мѣстѣ сдѣлалъ?

Вотъ сочиненіе семикласницы Нади Воробьевой: въ чемъ выражается дружба между товарищами?

«При разлукѣ друзья обыкновенно умираютъ или сходятъ съ ума. Это случается между друзьями молодыми и притомъ разнаго пола. Это называется увлеченіе. Если оно долго не проходитъ, то называется любовью. Конецъ».

Да отъ Филимона Петровича, конечно, пришелъ бы конецъ — ужъ попало бы да не въ одну, а на всѣ четыре четверти единица да съ такимъ вотъ усисцемъ.

Павелъ Николаевичъ никакого такого усища не зналъ и ставилъ тройку съ тремя минусами и около минусовъ точку, но такъ нѣжно, что самъ другой разъ при выводѣ за пятерку принималъ.

Лишь только появлялся Павелъ Николаевичъ на вечерѣ, и въ пасіонѣ подымался щебетъ: щебетали вокругъ него и ластились, какъ къ идолу, и класныя дамы тѣ три сухія и зеленныя и сама Прасковья Ивановна. И откуда такіе голоса брались — переливные, перепелиные, ни въ класной, ни въ гимназіи ничего подобнаго не было слышно даже по праздникамъ, — обыкновенный класный голосъ извѣстно: изъ души хриплый съ визгомъ, а тутъ, подижь ты!

*

Вечеръ открывался самоваромъ, пили чай, разговаривали, потомъ садились играть въ карты, потомъ ходили по комнатѣ парами или бѣгали изъ угла въ уголъ, — такъ представлялось Олѣ за дверью.

А на самомъ дѣлѣ, послѣ второго или третьяго самовара и закуски танцовали и играли въ фанты, и въ почту. Когда же приходилъ Павелъ Николаевичъ, весь порядокъ мѣнялся: Павелъ Николаевичъ пѣлъ романсы.

За дверью въ комнатѣ, гдѣ спали гимназистки, пѣніе слышно было отчетливо, но гимназисткамъ хотѣлось не только пѣнія послушать, что пѣніе! — посмотреть, какъ поетъ Павелъ Николаевичъ, вотъ чего добивались.

Въ одну изъ субботъ разнесся слухъ, что на вечерѣ непременно будетъ Павелъ Николаевичъ. И рѣшено было не спать, хоть всю ночь, а дождавшись удобной минуты, во время пѣнія пріотворить дверь въ залъ.

Кровать Оли представляла самое подходящее мѣсто для наблюдений и, когда послышалась музыка, Оля, стоя на кровати и упираясь руками въ дверь, тихонько толкнула ее отъ себя — дверь пріоткрылась, и щелка приплась какъ-разъ противъ Павла Николаевича.

Павель Николаевичъ держалъ въ одной рукѣ ноты, другой поправлялъ воротничокъ — готовился начинать.

А въ то время, какъ Павель Николаевичъ запѣлъ —

подъ душистою вѣткой сирени
съ ней сидѣлъ я надъ сонной рѣкой...

— сзади на Олю стали такъ напирать, такъ тѣснить и давить ее, что руки ея, упиравшіяся въ дверь, не выдержали — дверь распахнулась, и Оля вылетѣла въ залъ.

Что только было! — и Прасковья Ивановна и всѣ три класныя дамы — Марья Петровна, Марья Дмитриевна, Марья Терентьевна сначала-то остолебенѣли и на время — къ счастью — языка лишились: вѣдь Оля вылетѣла въ залъ въ одной сорочкѣ — срамъ то какой!

Задали крѣпко Олѣ.

*

Въ пансіонѣ Прасковьи Ивановны Пѣнкиной Оля прожила свой первый гимназическій годъ.

Самыми радостными днями и за этотъ годъ и за другіе гимназическіе годы былъ для Оли пріѣздъ отца: Александръ Павловичъ пріѣзжалъ въ Покидошъ на выборы.

Обыкновенно утромъ до гимназіи, только-только

еще съ постели подымутся, завидить Оля подъѣзжающій экипажъ, голубой околышъ и николаевскую шинель отца, все бросить — всѣ свои книги, побѣжить встрѣчать. И цѣлуетъ, не даетъ раздѣться, обнимаетъ своими маленькими, еще горячими со сна, руками — такъ рада, чуть не плачетъ отъ радости.

А онъ ей корзиночку изъ дому, а въ корзиночкѣ курица, маковники на меду, варенье, пастила.

— Котикъ мой, — скажетъ, — какая ты у меня большая ужъ, не по годамъ ростешъ, а по часамъ, — и улыбнется.

И Олѣ становится еще веселѣе: не знаетъ, что и рассказывать, и корзиночку посмотреть скорѣе хочется, что въ ней заключается.

Незадолго до отпуска на лѣтнія каникулы прѣѣхала изъ Ватагина Наталья Ивановна и, узнавъ о пансіонской жизни Оли, осталась очень недовольна порядками — Олю пришлось остричь подъ гребенку — такая была всюду грязь и никакого присмотра.

*

На слѣдующій годъ Олю отдали ужъ не въ пансіонъ, а къ знакомымъ — Берсеновымъ.

Берсеновы — Покидошенскіе старожилы и самъ Берсеновъ одно время занималъ очень важную должность, но потомъ вышелъ въ отставку. Соня Берсенева — одноклассница Оли да къ тому же вмѣстѣ учились музыкѣ у одной учительницы, и Олѣ хотѣлось жить со своей подругой.

Если въ пансіонѣ Пѣнкиной было и не совсѣмъ ладно — а будь Прасковья Ивановна хоть чуточку поласковѣе, Оля, пожалуй, и привыкла бы, — у Берсеновыхъ напротивъ все было хорошо, одно — жутко.

Странный человѣкъ былъ самъ Берсеновъ — отецъ Сони, а домъ Берсеновыхъ непростой.

Про домъ въ городѣ ходили слухи, что домъ нечистый и, что какъ только его покупали, непременно кто-нибудь изъ семьи владѣльцевъ умиралъ. Обыкновенно такіе дома пустуютъ и легко переходятъ изъ рукъ въ руки первому же покупателю. Берсены купили домъ очень дешево.

Семья Берсеновыхъ состояла изъ отца и двухъ дочерей: старшая Наля, уже взрослая, занималась хозяйствомъ, младшая Соня гимназистка, былъ и еще сынъ и дочь, но тѣ жили въ Петербургѣ.

Странность самого Берсенева выражалась въ томъ, что послѣ смерти своей жены онъ ни слова не говорилъ съ дѣтьми, съ другими же съ посторонними, хотя бы съ той же Олей, разговаривалъ и даже шутилъ.

Наля и Соня, кстати очень съ лица похожія на отца, къ этому привыкли, и установился особый способъ объясненія.

Такъ, когда Соня затѣвала устроить у себя вечеръ, она подходила къ отцу и просила позволенія пригласить гимназистокъ и, не дождавшись отвѣта, уходила въ свою комнату. Если на утро на рояли лежали конфеты, фрукты, закуска — это значило, что отецъ разрѣшаетъ.

За обѣдомъ и за чаемъ онъ сидѣлъ молча и такъ, будто ихъ не только не было за столомъ, но вообще-то они не существовали на свѣтѣ, а между тѣмъ случайно промелькнувшее въ разговорѣ сестеръ желаніе предупредительно исполнялось имъ. Какъ-то за чаемъ, болтая съ Олей о нарядахъ, Соня размечталась о тепломъ коричневомъ джорсѣ, которое она не премѣнно положила себѣ купить, какъ только у ней заведутся деньги, — на другой же день утромъ на рояли лежало теплое коричневое джорсѣ.

Когда старшая Наля рѣшила выйти замужъ и попросила отца благословить ее, онъ и тутъ не сказалъ ни слова, только захмыкалъ носомъ, — а на утро на рояли лежали двѣ иконы, свѣчи и деньги.

Большими глазами смотрѣла Оля на странныя

объясненія отца съ дѣтьми, но потомъ освоилась, перестала замѣчать, но того, что творилось въ домѣ, Оля никакъ не могла не замѣчать.

Половицы стараго паркета не всѣ, но нѣкоторыя и какими-то кругами особенно поскрипывали даже днемъ, и отъ этого скрипа тянуло за душу, а на рояли, если его забывали закрыть на ночь, кто-то тихо игралъ, да какъ тихо! — отъ этой тихой игры становилось тоскливо, мѣста не найти отъ тоски, куда ужъ спать.

Оля и Соня, передъ тѣмъ, какъ ложиться, окрещивали и завѣшивали всѣ зеркала: что-то непріятное было въ зеркалахъ, какой-то свѣтъ наполненности и ужъ, конечно, страшно.

Всего нѣсколько мѣсяцевъ пришлось прожить Олѣ въ этомъ нечистомъ домѣ хорошей, но странной семьи. Внезапно умерли и сынъ и дочъ Берсенева, жившіе въ Петербургѣ, и домъ за безцѣнокъ сейчасъ же продали.

Наталья Ивановна вмѣстѣ съ младшей Леной перѣхала въ Покидошъ, наняла квартиру и мѣсяцъ Оля прожила съ матерью. Однако, очень скоро Наталья Ивановна вынуждена была вернуться въ Ватагино, а Оля переселилась въ пансіонъ двухъ нѣмокъ — Паулины Викентьевны и Розаліи Викентьевны Линде.

3

Пансіонъ Линде образцовый, Паулина Викентьева и Розалія Викентьева дамы почтенныя.

Паулина Викентьевна замужняя, Розалія Викентьева — барышня. Обѣ на одно лицо, обѣ крошечныя, сутуловатыя, съ необыкновенно длинными носами и необыкновенно маленькими дѣтскими губами, обѣ въ мелкихъ, какъ паутинка, тонкихъ завивающихся морщинкахъ, а на головѣ у каждой по

черной кружевной наголки. Разница между ними только въ томъ, что Паулина Викентьевна, хоть и отдаленно, но имѣла нѣкоторое право носить дамскій нарядъ, Розалія же Викентьевна, если и носила, и говорятъ, за сорокъ лѣтъ носить, то по существу недоразумѣнію.

У Паулины Викентьевны три сына и всѣ необыкновенно рослые — прямо подъ потолокъ: старшіе двое—докторъ и студентъ жили въ Петербургѣ и лишь наѣзжали къ матери въ Покидошъ, младшій же служилъ въ губернаторской канцеляріи и находился при матери въ пансіонѣ.

Доктора и студента гимназистки любили: въ случаѣ недоразумѣній и докторъ и студентъ всегда заступались. А младшаго — канцеляриста не любили и называли шпиономъ: канцеляристъ доносилъ матери и теткѣ, когда, напримѣръ, гимназистку провожалъ изъ гостей въ пансіонъ какой-нибудь гимназистъ и, хотя гимназистки находили увертку, говоря, что провожалъ вовсе не гимназистъ, а лакей съ серебрянными пуговицами, все таки бывали непріятности.

Паулина Викентьевна не разъ и не два заявляла: — Я была хорошенькая, а Розалія Викентьевна просто красавица.

— Нѣтъ, я была хорошенькая, а Паулина Викентьевна просто красавица! — непремѣнно возражала Розалія Викентьевна.

Паулина Викентьевна ни за что не соглашалась, подымался споръ и весь пансіонъ помиралъ отъ хохота.

Разговорчивость нападала на Паулину Викентьевну и Розалію Викентьевну по большей части за обѣдомъ, и онѣ охотно дѣлились своими воспоминаніями.

— Однажды мы были на балу съ Розаліей Викентьевной, — рассказывала Паулина Викентьевна, — и такъ какъ мы поздно пріѣхали на балъ, а насъ ждали, то кавалеры захотѣли намъ за это отомстить,

и никто насъ не пригласилъ танцовать, тогда мы взялись другъ съ дружкой и стали танцовать. Это было такъ мило, что всѣ кавалеры бросили своихъ дамъ и пошли танцовать съ нами.

— Ахъ, это было такъ мило, такъ мило, Боже мой, какъ мило! — ужъ хоромъ повторяли нѣмки.

Кто-то пустилъ слухъ, будто Паулина Викентьевна и Розалія Викентьевна ходятъ въ резиновыхъ юбкахъ.

Много объ этомъ было разговору, но еще больше гадали: какія такія могутъ быть резиновые юбки — такія ли, какъ калоши или какъ мячикъ? — всѣмъ хотѣлось посмотрѣть эти резиновые юбки, но какъ посмотреши, если нѣмки не только что въ этихъ резиновыхъ юбкахъ, даже безъ своихъ кружевныхъ черныхъ наколокъ никогда не показывались въ комнатахъ передъ гимназистками — нѣмки къ себѣ аккуратныя, нѣмки порядокъ любятъ.

Но вотъ однажды, укладываясь спать, гимназистки подняли возню, Паулина Викентьевна и Розалія Викентьевна, не зная, что и думать, забывъ всякій порядокъ, neodѣтыя бросились въ комнату, и что же? — у каждой — это сразу всѣ, и не смотрѣвши, замѣтили — было по самой настоящей резиновой юбкѣ.

— Смотрите, да онѣ и танцовали въ этихъ юбкахъ! — кричала отъ удовольствія Оля.

«Ахъ, это было такъ мило, такъ мило, Боже мой, какъ мило!» — вспоминались слова нѣмокъ и ужъ ночь въ пансіонѣ не спали, надрываясь отъ смѣха.

Раза три въ году пріѣзжалъ въ Покидошъ пасторъ и тогда Паулина Викентьевна и Розалія Викентьевна исчезали изъ пансіона.

Кто-то сказалъ, что когда пасторъ служить, нѣмки поютъ.

И это показалось, куда смѣшнѣе резиновыхъ юбокъ: чѣмъ-то такимъ уморительнымъ и невозмож-

нымъ, какъ если бы батюшка Аристотелевъ перешелъ въ офицера.

Нѣмки крохотны, тощи, горбаты, носаты и ужъ никакія пѣвицы, а у батюшки брюшко — пузыремъ, губы осметки, носъ башмакъ и при разговорѣ манера — подбирать свои губы, чтобы не было видно ни одного зуба — хорошъ офицеръ!

И хохотали въ гимназіи во время урока, хохотали въ пансіонѣ за урокомъ и на прогулкѣ и въ церкви такъ вдругъ ни съ того, ни съ чего при одной мысли о поющихъ нѣмкахъ и батюшкѣ — офицерѣ.

У нѣмокъ — свободно. Уйти изъ пансіона погулять по улицѣ можно было безъ всякихъ и въ любое время.

Одна изъ гимназистокъ выбѣгала за дверь и звонила, а другая гимназистка заявляла Паулинѣ Викентьевнѣ или Розаліи Викентьевнѣ, будто пришла за ней горничная, ну и отпускали. Такъ выходили гимназистки гулять совсѣмъ не въ урочное время, а такія прогулки были верхъ счастья.

Весело, свободно — всѣмъ хорошо у нѣмокъ, только кормили не очень, и часто гимназистки таскали изъ буфета черный хлѣбъ, а за чаемъ уписывали простую французскую булку съ такимъ вкусомъ, всѣ челюсти трещали. Но ужъ тутъ ничего не подѣлаешь: пансіонъ не домъ.

— Ты сожми булку и ѣшь, и думай, что тамъ сыръ, а когда наѣшься, думай, что тамъ халва, — научала голодную Олю шестиклассница княжна Шахъ-Будатова.

И Оля слушалась: изъ всѣхъ силъ сжимала булку и ѣла, — старалась думать, что тамъ сыръ, а когда съѣдала булку, старалась думать, что тамъ халва.

И наука шла въ прокъ.

Къ Олѣ нѣмки относились хорошо, только почему-то вообразивъ, будто брови у Оли не настоящія, нѣтъ-нѣтъ да и дѣлали ей замѣчаніе, чтобы она ихъ

не красила. И хотя Оля муслила себѣ палецъ и водила себя по бровямъ и палецъ оставался совершенно чистымъ, — нѣмки не вѣрили.

*

Олю тянуло къ большимъ и она постоянно терлась въ комнатѣ, гдѣ занимались старшія гимназистки.

Двѣ гимназистки шестиклассницы еще съ перваго класса очень нравились Олѣ: Вѣра Сахарова и княжна Шахъ-Булатова.

Вѣра Сахарова высокая, здоровая, но такая блѣдная — совсѣмъ бѣлый мраморъ, огромные черные глаза и черные гладко-зачесанные волосы, — Оля называла ее красивой.

Княжна Шахъ-Булатова розовая, чернобровая съ золотыми вьющимися волосами, большіе голубые глаза и необыкновенно длинныя рѣсницы, вся тонкая, — Оля называла ее красавицей.

Въ первые гимназическіе дни, встрѣчая княжну, Оля улыбалась ей, посылала поцѣлуи и разъ спросила, какъ ее звать, но княжна ничего не отвѣтила, за нее сказала Вѣра Сахарова, что зовутъ княжну Марья Александровна.

— Марья Александровна княжна Шахъ-Булатова, — послѣ повторяла Оля и на запотѣломъ стеклѣ выводила пальчикомъ:

М А К Ш

Однажды, возвращаясь отъ вечерни въ пансіонъ, Оля встрѣтила странника. Странникъ остановилъ Олю и далъ ей бѣлый кругленькій камушекъ «Богородицыну слезу» и молитву «Сонъ Богородицы».

— Если припишешь къ молитвѣ задуманное, — сказалъ странникъ, — и молитву всегда при себѣ носить будешь, задуманное исполнится.

Вечеромъ же въ пансіонѣ — это было еще у Прасковьи Ивановны Пѣнкиной, — Оля переписала молитву черезъ синюю перводную бумагу, а сдѣлала она такъ потому, что синій цвѣтъ буквѣ имѣлъ по ея мнѣнію какое-то совсѣмъ особенное значеніе. Къ этой синей молитвѣ — къ «Сну Богородицы» синимъ же приписала и свое желаніе:

«Господи, сдѣлай меня какъ княжна Шахъ-Булатова!»

А приписывая желаніе, представляла себѣ Вѣру Сахарову — красивую и княжну Шахъ-Булатову — красавицу и еще какъ-то само собою думала и о самой умной — о своей первой учительницѣ Софьѣ Евдокимовнѣ, дочери Ватагинскаго батюшки о. Евдокима. Потомъ зашила молитву въ ладонку, надѣла на шею и стала ждать, что будетъ.

Долгая прошла недѣля. Въ субботу Оля спросила у одной гимназистки, не замѣчаетъ ли она въ ней какой перемѣны?

— Нѣтъ, — отвѣтила гимназистка, — никакой перемѣны не замѣтно.

— Ни въ чемъ?

— Такая же.

«Вѣра Сахарова красивая, — подумала Оля, — княжна Шахъ-Булатова красавица, ну и пускай будетъ одна красивой, другая красавицей!» — и сняла съ груди ладонку.

Вѣра Сахарова и княжна Шахъ-Булатова — самыя отчаянныя, самыя оголтѣлыя — отпѣтыя во всемъ пансіонѣ. По воскресеньямъ къ нимъ то и дѣло приходили въ гости гимназисты. И хотя хорошо было извѣстно, что княжна изъ Москвы, гдѣ живутъ ея отецъ и мать, и что въ Покидошѣ кромѣ старой бабушки у ней нѣтъ никого, все-таки какіе-то братья появлялись и торчали въ пріемной комнатѣ весь день, пока нѣмки не выкуривали ихъ да и то

съ помощью «Марша русскихъ добровольцевъ». Въ пріемной стояло піанино и туда-то посылалась одна изъ младшихъ гимназистокъ, гимназистка должна была играть этотъ «Маршъ русскихъ добровольцевъ», и тогда само собой гимназисты отправлялись по домамъ.

— Послушайте, — сказала какъ-то Паулина Викентьевна княжнѣ Шахъ-Булатовой, когда ужъ видно подозрѣніе взяло верхъ надъ добродушіемъ, доврчивостью и деликатностью нѣмки, — вашъ братъ то блондинъ, то брюнетъ, то шатень?

— Очень просто, — нашла княжна, — утромъ онъ шатень, въ полдень блондинъ, а вечеромъ — брюнетъ.

Не всегда кончалось такъ просто. Бывали случаи, что безъ вмѣшательства старшихъ сыновей Паулины Викентьевны — доктора или студента — дѣло не обходилось. Только и докторъ и студентъ — и очень хорошіе, но медвѣди какіе-то неповоротливые.

По доносу ли младшаго сына — канцеляриста или по собственнымъ наблюденіямъ, скорѣе всего по доносу, Паулина Викентьевна послѣ «Марша русскихъ добровольцевъ» вызвала Вѣру Сахарову и сдѣлала ей строгій выговоръ, запрещая впредь принимать только что ушедшаго брата-гимназиста, такъ какъ онъ совсѣмъ ей не братъ.

Вѣра Сахарова на дыбы — заспорила, Паулина Викентьевна вышла изъ себя — загорячилась. Поднялся крикъ. И Вѣрѣ Сахаровой пришлось уступить и сознаться.

На крикъ прибѣжалъ докторъ да до конца-то, должно быть, не дослышавъ, вступился:

— Повѣрьте, — сказалъ онъ матери, — ручаюсь, это дѣйствительно братъ, я самъ видѣлъ собственными глазами, какъ они на прощанье поцѣловались.

И опять поднялся крикъ теперь ужъ изъ-за поцѣлуя.

На прогулкахъ Вѣра Сахарова въ парѣ съ княжной Шахъ-Булатовой — въ самомъ хвостѣ, а за ними еще цѣлый хвостъ гимназистовъ. Съ гимназистами разговаривать во время прогулокъ не разрѣшается, но Вѣра Сахарова всегда разговариваетъ. Пробовали дѣлать замѣчаніе, не слушаетъ. И стали оставлять ее одну въ пансіонѣ, лишивъ всякой прогулки.

Тутъ-то вырывалось вонъ наружу все неистовство этой взбалмошной бѣлой, какъ бѣлый мраморъ, гимназистки: сумасшедшая бѣгала она по комнатѣ, швыряла чѣмъ попало такъ ни въ кого, хлопала дверьми и ругала нѣмокъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

Такъ какъ нѣмки по русски не все понимали, то употреблялись выраженія не то чтобъ нецензурныя, а все таки и непечатныя, а чѣмъ дальше, тѣмъ крѣпче, тѣмъ ругательнѣе.

Упади всѣ ругательства на нѣмокъ и отъ бѣдныхъ нѣмокъ ничего бы не осталось — такъ какая-нибудь кашпца.

Взбалмошная, любила Вѣра Сахарова потѣшаться и изводить младшихъ гимназистокъ: возьметъ выхватить у какой-нибудь изъ подъ носа книжку или потихоньку спрячетъ — и ходить та, зубрить вѣдь, не по чемъ, просить отдать, нѣтъ, ни за что не отдастъ, и только утромъ, когда ужъ въ классъ итти, подсунетъ.

И Вѣра Сахарова и княжна Шахъ-Булатова любили Олю и никогда отъ себя не выгоняли изъ своей комнаты. Оля говорила имъ «вы», онѣ Олѣ «ты», а иногда «ты-Сова» за ея большія сѣрые глаза.

Въ пансіонѣ всѣмъ было извѣстно, что Оля очень способная и первая ученица. Зная сообразительность Оли, Вѣра Сахарова и княжна Шахъ-Булатова экзаменовали ее по русской грамматикѣ, причемъ задавали ей такіе вопросы, правильный отвѣтъ на которые волей-неволей, а попадалъ въ число непечатныхъ словъ, употребляемыхъ въ сердцахъ самой Вѣрой Сахаровой.

И Оля улыбалась, глядя на неистовую бѣлую, какъ бѣлый мраморъ, гимназистку «красивую» и на задорную золотую княжну «красавицу», и ей было весело.

4

Изъ сверстницъ въ пансіонѣ Оля сблизилась съ однокласницей Мариной Завѣтновской.

Съ виду Марина — противоположность Оли: маленькая, блѣдненькая и худенькая, но въ чемъ-то такая же насторожившаяся, какъ и Оля. Онѣ вмѣстѣ скакали по залѣ на перемѣнахъ, вмѣстѣ устраивали разныя продѣлки въ гимназіи и въ пансіонѣ, а разъ во время танцевъ, стоя визави, взяли да и поцѣловались, и отбывали за этотъ поцѣлуй общее наказаніе, а учительница руководѣля, она же и класная дама, по прозванію Цапля, не любившая ни Олю, ни Марину, выражалась про нихъ просто:

— Два экземпляра.

И какъ нарочно эта самая Цапля, слѣдившая на улицахъ за гимназистками, рѣдко не попадалась Олѣ и Маринѣ, когда тайкомъ выходили онѣ погулять изъ пасіона.

— Куда идешь? — останавливала Цапля.

— За тетрадкой.

— На лицѣ должно быть написано, что идешь за тетрадкой, — читала нотацію Цапля, — итти надо быстрымъ, скорымъ шагомъ.

Марина Завѣтновская — особенно, но такъ Оля дружила со всѣмъ своимъ классомъ, хотя тетка Марья Петровна Вольская и указывала гимназистокъ, съ которыми Оля не должна дружить, потому что онѣ ей не ровня.

— Теперь еще ничего, — слышала Оля, какъ говорила тетка Натальѣ Ивановнѣ и въ Ватагинѣ и въ Покидошѣ, — а когда выростутъ, въ нѣкоторыхъ

домахъ Олѣ бывать неприлично, вотъ хотя бы у Рогачевыхъ — м-ме Рогачева живетъ съ прокуроромъ, или у Сабуровыхъ — у нихъ гостинница!

И Олю къ нѣкоторымъ гимназисткамъ не пускали. Но какъ разъ къ нимъ-то и ходила Оля: она просилась у нѣмокъ отпустить ее къ тѣмъ, къ которымъ пускать разрѣшалось, а сама шла къ отверженнымъ.

Въ числѣ отвергнутыхъ теткой оказалась и Марина Завѣтновская, такъ какъ отецъ ея былъ актеръ заѣзжей труппы, игравшей второй сезонъ въ Покидошенскомъ городскомъ театрѣ.

Городъ Покидошъ, воспѣтый мѣстнымъ поэтомъ, скромно пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, въ нѣкоторомъ родѣ праматерь городовъ русскихъ — колыбель Россіи.

Покидошъ — городъ древній
Построенъ на рѣкѣ Смургѣ
Притомъ же съ пристанью отмѣнной...

Въ Покидошѣ, гдѣ городской голова, при открытіи памятника знаменитому русскому писателю, заявилъ въ своей рѣчи Покидошенскимъ жителямъ, что памятникъ стоитъ такихъ-то и такихъ-то большихъ денегъ и потому надо беречь его, какъ святыню, а на скверѣ будочникъ оттонялъ глазѣющихъ на памятникъ, говоря: «Проходите, тутъ смотрѣть нечего!» — гдѣ чудакъ-губернаторъ самъ себѣ воздвигъ на соборной площади мраморный обелискъ съ перечисленіемъ всѣхъ заслугъ своихъ губерній, а около красовалась на столбикѣ надпись: «Скор-

лупъ подсолнечныхъ и другихъ фруктъ бросать воспрещается», гдѣ полицмейстеръ наканунѣ луннаго затмѣнія приказомъ объявлялъ населенію, чтобы зря не смотрѣли на небо, если будетъ облачно, гдѣ батюшки каждый разъ добродушно извинялись, предлагая пирогъ съ яичной начинкой, совсѣмъ недвусмысленной, если принимать вещи безъ задней мысли, гдѣ изстари ловился какой-то таинственный разбойникъ, если не Соловью, то Савицкому и Лбову по отвагѣ нисколько не уступавшій, гдѣ строили дома на мощахъ, на зубахъ и на предметахъ еще болѣе деликатныхъ, гдѣ на пожарной каланчѣ давно уже не ходилъ старикъ — часовой, а только всякому по привычкѣ казалось, что ходитъ, гдѣ въ пожары били въ набатъ и собирався весь городъ, какъ въ церковь на Пасху, гдѣ барышни почти поголовно открывали въ себѣ артистическій талантъ и вдругъ хотѣли сдѣлаться актрисами, гдѣ на вечерахъ, когда чудакъ подымалъ вопросъ важный и глубокій, пожалуй и неумѣстный, въ отвѣтъ ему раздавался этакій здоровый обезьянскій россійскій хохоть, и гдѣ, наконецъ, въ казенномъ саду по веснѣ, напившись росы съ молодого березоваго листа, такъ пѣлъ соловей, что весь садъ дрожалъ, — все было — на всѣ колѣна: и бульканье, и колыханье, и дробь, и раскаты, и пленканье, и лѣшева дудка, и кукушкинъ перелетъ, и гусачекъ, и юлиная стукотня, и починъ, и оттолочка, всѣ свисты, всѣ трели, всякая стукота, — въ тихомъ, мирномъ и пыльномъ Покидошѣ Марья Петровна Вольская играла не послѣднюю роль.

Мужъ Марьи Петровны Вольской — дядюшка Оли — отставной капитанъ, получавшій огромную пенсію за увѣчье: одинъ глазъ у дядюшки былъ не свой, а вставной — фарфоровый. Глаза дядюшка лишился въ турецкую кампанію: возвращаясь какъ-то домой съ Покидошенскаго праздника, устроеннаго городомъ по случаю полученія какихъ-то важныхъ военныхъ извѣстій, онъ свалился съ извозчика

и такъ повредилъ себѣ глазъ, ровно бѣ пуля въ него засѣла.

Сама Марья Петровна, хлопотавшая въ свое время о пенсіи, увѣряла, что вовсе не пуля, а семьдесятъ семь турецкихъ разрывныхъ гранатъ.

А за Марьей Петровной и весь Покидошъ, передавая и надо и не надо эту злополучную исторію дядюшки съ извозчикомъ, всякій разъ добавлялъ:

— И семьдесятъ семь турецкихъ разрывныхъ гранатъ.

Дядюшка любилъ рассказывать о сраженіяхъ, какъ о морскихъ, такъ и о сухопутныхъ, часто вспоминалъ походы, битвы и штурмы крѣпостей. И Оля и двоюродная сестра Леночка — дочь дядюшки — съ большимъ вниманіемъ слушали его чудесные рассказы.

Марья Петровна — образцовая мать, примѣрная воспитательница.

Въ пять ужъ лѣтъ Леночка въ любое время даже со сна безъ запинки отвѣчала на три основные семейные вопроса.

— Кто твоя мама?

— Всезнайка.

— Кто твой папа?

— Всеумѣйка.

— А ты?

— Леночка.

И эти отвѣты приводили въ восторгъ весь Покидошъ, и все это было самая суцная правда.

Марья Петровна дѣйствительно все знала; всюду и вездѣ появлялась она на вечерахъ, на похоронахъ и свадьбахъ, — безъ нея не праздновали, не хоронили и не вѣнчали, даже и заболѣвать какъ-то ухитрялись при ней, ей до всего было дѣло, она обо всемъ хотѣла знать и обо всемъ говорила, и о всякомъ могла рассказать не только всю подноготную изъ прошлаго, но другой разъ и о будущемъ — что еще только предполагалось и далеко было отъ всякаго осуществленія. А дядюшка съ фарфоровымъ глазомъ

дѣйствительно умѣлъ удивительно ловко и тщательно склеивать разбитыя Леночкины куклы и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сами кукольные мастера ни за какія деньги не соглашались и наотрѣзъ отказывались.

Много сама говорившая, Марья Петровна цѣнила выше всего то, что говорить. Послѣднимъ доводомъ, непререкаемымъ, стоящимъ внѣ всякаго сомнѣнія, являлось для нея это «говорять».

— Оля, что про тебя говорить! — объявляла тетка, покуривая папироску, и сейчасъ же передавала какой-нибудь такой Покидопенскій слухъ, который оставлялъ далеко за собой даже собственныя теткины увѣренія о семидесяти семи турецкихъ разрывныхъ гранатахъ, засѣвшихъ въ дядюшкѣ.

Когда пріѣзжала изъ Ватагина Наталья Ивановна и останавливалась у Вольскихъ, среди горохомъ пересыпаемыхъ покидопенскихъ новостей клиномъ врѣзалось въ разговоръ теткино «говорять».

— Представьте себѣ, Наталья Ивановна, Зина Раева ходитъ въ казенный садъ и у ней скоро будетъ ребенокъ.

— Этого не можетъ быть.

— Наталья Ивановна, г о в о р я т ь !

Переходнетъ, затянется и снова:

— Представьте себѣ: Олѣ Богдановичъ прислала Лиза Шалаурова солдата съ письмомъ, а говорить, что самъ Шалауровъ прислалъ.

— Что вы, Марья Петровна?

— Наталья Ивановна, г о в о р я т ь !

«Тетка все говоритъ неправду» — думала Оля, до которой нерѣдко долетали разговоры.

— Зачѣмъ вы говорите глупости и неправду? — загорѣвшись, ударила по столу Оля, но уже много позже, когда была въ седьмомъ классѣ, а теперь она только думала и замѣчала.

Чаю попить со сливками — любимое занятіе Марьи Петровны, когда говорить уже нечего или не съ кѣмъ.

Олѣ и Леночкѣ дается чай съ молокомъ, а себѣ она подливаетъ сливокъ и чѣмъ гуще и жирнѣй сливки, тѣмъ добрѣе и мягче сердце, тѣмъ благодушнѣе расположеніе — а сама такая вся остренькая, какъ игла, и глаза маленькіе, черненькіе, какъ юлы подвижные, — и непостижимо, куда идетъ это густое и жирное добро — сладкіе сливки.

У Марьи Петровны обыкновенно останавливалась Анна Павловна, посолъ любимой бабушки.

Пользуясь благодушіемъ старой меженинской экономки, Оля а за ней и Леночка просятъ рассказать что-нибудь изъ прошлаго.

За чаемъ Анна Павловна соглашается.

— Когда я была молодая, я была замѣчательная красавица, — рассказывала Анна Павловна, — у меня были огромные голубые глаза, у меня были длинные волосы, я ихъ ботинками рвала, у меня были длинныя рѣсницы, отъ всего лица отставали, и у меня былъ поклонникъ Петръ Ивановичъ. Онъ разъ сталъ у меня за стуломъ — Анна Павловна томно поникаетъ, — онъ говоритъ: «Анна Павловна!» Я ему говорю: «Что?». Онъ мнѣ говоритъ: «Вы видѣли пожаръ?» Я ему говорю: «Видѣла». Онъ мнѣ говоритъ: «Такъ вотъ на пожарѣ всякое пламя горитъ — горитъ и гаснетъ, но моя любовь къ вамъ, Анна Павловна, никогда не погаснетъ». Онъ мнѣ это говоритъ, а я сажу да съ рѣсницъ узелки вяжу.

Въ пансіонѣ Оля рассказала исторію съ рѣсницами Маринѣ Завѣтновской. У Марины рѣсницы были очень маленькія, и захотѣлось Маринѣ точно такія имѣть, какъ у Анны Павловны, чтобы узелки вязать.

— Какаянибудь мазь продается, — сказала Оля, — помажешь этой мазью, и рѣсницы длинныя-предлинныя вырастутъ.

И гдѣ же достать эту мазь и какая мазь: бѣлила? — нѣтъ; политанъ? — политанью только котовъ ма-

жутъ. Много думали и долго думали и ничего не придумали. Обратились къ Вѣрѣ Сахаровой.

— Достать можно, — сказала Вѣра Сахарова и пообѣщала.

А дня черезъ три маленькая баночка съ какой то липкой дрянью, какъ драгоценность, была въ рукахъ Оли и Марины.

На ночь въ тотъ же день, не откладывая въ долгій ящикъ, Оля тщательно вымазала Марину. Градомъ текли слезы, чихала худенькая, блѣдненькая дѣвочка, и ужъ какъ ночь проспала, одному Богу извѣстно. А на утро, какъ стала мазь смывать, да смыла все — выпали и послѣднія рѣсницы.

5

Оля — шалунья изъ первыхъ, о шалостяхъ Оли всѣ знаютъ и въ гимназiи — весь четвертый классъ и въ пансионѣ у нѣмокъ — всѣ пансионерки. Но пристальный глазъ распознаетъ, что живетъ Оля и еще какой-то жизнью, о которой другимъ ни словомъ не обмолвится.

Началась эта скрытая жизнь еще до гимназiи въ деревнѣ въ Ватагинѣ.

Не рѣдко, бывало, ставъ на одномъ мѣстѣ столбомъ, Оля выстаивала, не шелохнувшись, цѣлыми часами. Ну-ка, отгадайте, чего это она стоитъ столбомъ и все думаетъ, насторожилась вся — и покличешь, не сразу отзовется? Да ей Богу, никакая разгадка въ умъ не придетъ.

Представляется? — Не до того! — Оля Страшнаго суда ждетъ.

Дважды снился Олѣ Страшный судъ.

Въ первый разъ приснилось ей, будто въ саду въ малиникѣ многое множество народу и всѣ стоятъ въ малиникѣ голова къ головѣ, а батюшка читаетъ — это и есть Страшный судъ.

Въ другой разъ приснилось, будто кто то во снѣ сказалъ ей:

— Завтра будетъ Страшный судъ.

Этотъ второй сонъ крѣпко легъ на душу Оли и она, тогда семилѣтняя дѣвочка, — теперь ей двѣнадцать — тревожилась не меньше любого взрослого.

Проснувшись, не завела ужъ глазъ: одинъ вопросъ изводилъ ее и не могла она рѣшить, какъ же понимать это «завтра»? Она себя спрашивала:

«Когда же — съ этого утра наступитъ Страшный судъ или только на слѣдующій день, завтра?»

И не могла рѣшить.

Все утро и весь день прошли въ ожиданіи. А тутъ случилось одно событіе, само по себѣ невинное, а въ концѣ-то концовъ и безъ того охваченная тревогой Оля еще больше забеспокоилась.

Въ Ватагино пріѣхали двѣ сосѣдскія дѣвочки Лида и Аня Сахновскія. Оля, занимая подругъ, показывала имъ свои тетрадки: въ тетрадяхъ тонкими штрихами напечатаны были слова и буквы. Сама Оля писать еще плохо писала и, если бы стала обводить перомъ по напечатанному, для чего собственно и предназначались тетрадки, вышло бы очень грязно. Ну размазней да кляксами никого не удивишь — и Оля выдавала дѣвочкамъ напечатанные буквы и слова за свои, будто бы только-только что ею самой написанные. Лида и Аня визжали и хлопали въ ладоши отъ восхищенія, а Олю это такъ страшно занимало и она была такъ довольна, что на нѣкоторое время забыла даже сонъ съ его предсказаніемъ.

Но стоило только уѣхать дѣвочкамъ Сахновскимъ, какъ тутъ-то и началось: къ мысли о томъ, что завтра будетъ Страшный судъ, присоединилось раскаяніе, что вотъ она передъ такимъ страшнымъ днемъ сказала неправду.

Оля не знала, что ей и дѣлать. Просить отпустить ее сейчасъ же съ братомъ Мишей къ Сахнов-

скимъ' и тамъ признаться во всемъ Анѣ и Лидѣ —
«Да нѣтъ, — разсуждала Оля, — это очень стыдно, — а если не признаться — страшно».

Что же ей дѣлать?

Ночь, какъ и вчерашняя, прошла въ тревогѣ, всю ночь не сомкнула глазъ Оля, терзалась и страхомъ и раскаяніемъ. Безъ сна она дождалась утра — и ничего не произошло. Встала, одѣлась, день прошелъ — и ничего не случилось.

«Страшный судъ, стало быть, отмѣнился!» — рѣшила Оля, и отлегло отъ сердца.

И ужъ совсѣмъ было успокоилась и вчерашнюю свою плутню забывать стала, какъ вдругъ въ сумерки по дорогѣ къ ихъ дому зазвонилъ колокольчикъ. Вскочила Оля посмотрѣть, кто ѣдетъ — страсть любопытная — да такъ и замерла на мѣстѣ. А ѣхалъ никто иной, какъ мать тѣхъ двухъ дѣвочекъ Лиды и Ани, сама Сахновская, и понятно зачѣмъ.

«Конечно, — рѣшила Оля, — Лида и Аня рассказали своей мамѣ, какъ вчера я ихъ тетрадками надула, вотъ теперь она и ѣдетъ, чтобы обо всемъ рассказать мамѣ».

И представивъ себѣ, какъ черезъ какой-нибудь часъ, нѣтъ, меньше, черезъ десять минутъ, нѣтъ сію же минуту весь домъ узнаетъ, и всѣ будутъ называть Олю лгуньей, обманщицей, просмѣютъ всѣ глаза, засмѣютъ ее на всю жизнь и ни одному слову ея не повѣрятъ да ужъ и не вѣрятъ, Оля такъ и замерла на мѣстѣ.

Конечно, ничего подобнаго не произошло, какъ не произошелъ и Страшный судъ, но съ этого дня мысль о Страшномъ судѣ не покидала Олю.

Какъ-то по утру весной вышла Оля тихонько одѣтая въ одной рубашечкѣ на крыльцо — было тепло на волѣ, чуть только еще показались листочки и первая трава маленькая такая нѣжная выглядывала изъ земли на свѣтъ Божій — и бросилась въ

глаза Олѣ утка: переваливаясь, шла утка по двору и крикала.

«Божія Матерь, — подумала Оля, — такъ передъ Страшнымъ судомъ пойдетъ собирать грѣшниковъ!»

Много думъ продумала Оля и какъ Страшный судъ происходить будетъ и когда онъ наступитъ, а мысль о томъ, что онъ можетъ наступить всякую минуту, ставила ее столбомъ.

Вотъ почему, бывало, станетъ Оля на одномъ мѣстѣ и стоять не шелохнется — ждетъ Страшнаго суда.

*

Къ мысли о Страшномъ судѣ присоединялась мысль о смерти.

Оля рассказывала своей младшей сестрѣ Ленѣ, что на осокори у дровотни дѣдъ живетъ, у дѣда пять дѣтей, одну изъ дочерей дѣда зовутъ Аней, и будто Оля къ нему въ гости ходитъ, а онъ ей съ осокори яблоки бросаетъ. Лена вѣрила и все просила взять ее къ дѣду яблоковъ попробовать да и на самого дѣда посмотреть. Оля общала спросить у дѣда, хочетъ ли дѣдъ, да все откладывала.

Захворала Лена, было ей плохо, говорили — при смерти. И тяжелые, невыносимые дни прожила Оля, пока не выздоровѣла Лена.

Измоталась вся: и хотѣла сказать Ленѣ, что на осокори дѣда никакого нѣтъ, и видѣла, что говорить бесполезно, такъ какъ Ленѣ теперь не до дѣда, и мучилась, — вотъ умереть Лена, а она такъ и не откроетъ ей про дѣда и никогда ужъ не откроетъ.

У Оли была еще сестра Таня, самая младшая. Таня умерла совсѣмъ маленькая. Въ день смерти мать сказала Олѣ, чтобы Оля покачала Таню. Оля не захотѣла, — пошла къ Мишѣ въ садъ подъ сли-

ву будки строить. А, когда вернулась изъ сада домой — Тани уже не было, умерла.

Тяжелые, невыносимые дни прожила Оля: зачѣмъ она тогда не покачала Таню? — а теперь ужъ никогда не покачаешь.

А когда умерла бабушка и отецъ сказалъ Олѣ, что каждый человѣкъ всякую минуту можетъ помереть, Оля стала бояться смерти.

Она также ждала ее, какъ и Страшнаго суда, часто не спала по ночамъ и плакала, но причины своихъ слезъ никому не рассказывала.

Цѣлыми днями придумывала Оля, чѣмъ ей смерть отвратить и, наконецъ, нашла рѣшеніе: она будетъ бѣгать, хоть и заболѣетъ, все равно будетъ бѣгать — смерть и не возьметъ ее, умирають вѣдь всегда лежа.

Какъ угорѣлая, бѣгала Оля день до вечера, трудно было къ столу усадить, долго вечеромъ приходилось уговаривать лечь въ кроватку, ужъ кажется и утомонится, нѣтъ опять вскочить, а гулять пойдутъ — за ней не поспѣешь, такъ словно на крыльяхъ летить.

И вдругъ Оля почувствовала, что этимъ не поможешь: бѣгай не бѣгай, а смерть придетъ — не посмотреть, вѣдь не посмотрѣла она, что Таня совсѣмъ маленькая, а взяла, а бабушка и ждала ее и все таки умерла послѣ Тани, смерть придетъ — не посмотреть, каждому свой чередъ, и Оля перестала бѣгать.

Нянька Фатевна не разъ говорила Олѣ, что Оля бабушку увидитъ, когда придетъ чередъ и сама умереть. Оля вѣрила, что увидитъ, но это нисколько не мѣняло дѣла: сама смерть оставалась все той же неотвратимой.

Нянька Фатевна не разъ говорила Олѣ, что въ Пасхальную ночь мертвые встаютъ изъ гроба. Оля вѣрила и всякій разъ въ Пасхальную ночь ей казалось, что среди сидящихъ у церкви съ пасхами

бабъ въ бѣлыхъ и длинныхъ, какъ саванъ, намиткахъ, сидятъ мертвые.

Кто-то, никому неизвѣстный, и когда, неизвѣстно, приходитъ, отнимаетъ у человѣка глаза — и глаза больше не видятъ, отнимаетъ уши — и уши больше не слышатъ, отнимаетъ языкъ — и языкъ ужъ не говоритъ, сковываетъ по рукамъ и по ногамъ — и ничего не подѣлаешь, не повернешь и не остано-вишь.

Сторожихой въ пансіонѣ Прасковьи Ивановны Пѣнкиной была, какъ жердь, длинная и сухая старуха Ѳедосья. Когда Ѳедосья говорила, видно было, какъ челюсть движется, и всегда вся въ синемъ: юбка синяя, кофта синяя. Называли Ѳедосью просто «отхожей бабой». Сидѣла она въ комнаткѣ, гдѣ стоялъ умывальникъ и висѣли дѣтскія платья, — комната находилась далеко отъ залы и спаленъ на другомъ концѣ дома.

Какъ-то вечеромъ отправились гимназистки къ Ѳедосьѣ и стали просить рассказать сказку, Ѳедосья согласилась и принялась рассказывать и всѣ, что ни на есть, сказки про смерть: и веселая-то она и смѣшная, но больше такая, что ни за что ужъ никому и никогда отъ нея не уйти. Рассказывала Ѳедосья, а челюсть у ней такъ за каждымъ словомъ и двигалась.

Оля никогда больше не просила рассказывать и стала бояться Ѳедосьи, а Ѳедосья вся въ синемъ, сухая, костлявая сидѣла съ чулкомъ въ комнаткѣ на другомъ концѣ пансіона, вязала чулокъ — сторожила дѣтскія платья.

*

Оля богомольная, не пропуститъ ни одной вечерни. Ходитъ она въ старый монастырь, куда отпускаютъ ее одну — монастырь совсѣмъ близко. Вся грудь

у Оли въ крестикахъ и образкахъ — ихъ много у ней всякихъ и мѣдныхъ и кипарисныхъ на разноцвѣтныхъ ленточкахъ и шнуркахъ.

За службой Оля молится объ урокахъ, молится о Танѣ, а когда мать переѣхала въ городъ, молилась особенно объ отцѣ, чтобы ему не было страшно, — такъ какъ одинъ онъ въ домѣ, а одному жить страшно, въ особенности осенью, когда деревья шумятъ и собаки воютъ.

Оля усердно молится, вѣруеть и знаетъ, что молитва исполнится.

Еще при жизни бабушки, разъ захворала мать и такъ тяжело, что и докторъ былъ и пріѣхалъ батюшка. Пріѣздъ батюшки съ дарами въ особенности подѣйствовалъ на Олю. Всѣхъ дѣтей бабушка повела изъ комнаты матери въ залу и сказала, что матери плохо и что они должны за-нее молиться. Поставила дѣтей на колѣни передъ образами — темно было въ залѣ, только лампадка горѣла. И дѣти молились, — кричали, просили своими словами, кричали, чтобы мама не умирала. И Оля не помнитъ, сколько времени она кричала — ничего не видѣла — ни иконъ, ни сестеръ, ни брата, и ничего не слышала — ни часовъ на каминѣ, ни другихъ, какъ сестры и братъ молились, а когда встала съ колѣнъ — мать не умерла, матери стало легче.

Оля вѣрила и знала, что если усердно молиться, исполнится молитва и даже смерть не тронетъ, смерть остановишь.

*

Первая книга, которую прочитала Оля, называлась «Брось хлѣбъ позади, очутится впереди.» Въ этой книгѣ описывалась исторія дѣвочки Эммы и мальчика Доминика.

И вотъ приснилось Олѣ, будто лежитъ на столѣ свѣтло-шеколадная матерія, а Эмма будто го-

ворить, что это и есть Богъ. Олѣ такъ стало страшно, она и проснулась.

Нестерпимую муку испытала Оля, когда, проходя Новый Заветъ, услышала въ первый разъ о страстяхъ. Ночами рыдала, не зная, какъ поправить непоправимое, и не могла примириться, что ужъ поздно, и не вернуть тѣхъ дней.

«Можетъ быть, — думала Оля, — ѣхать мнѣ въ Иерусалимъ и тамъ что нибудь сдѣлать?»

А не сдѣлавъ чего-то, что поправило бы это непоправимое — какъ же она жить будетъ?

Еще до гимназіи, въ Ватагинѣ проснулась Оля ночью, — комната, гдѣ спала она, рядомъ со столовой, дверь въ столовую была открыта, въ столовой стоялъ огромный старинный диванъ, — и вотъ показалось, весь диванъ занятъ: лежитъ чортъ.

И когда она такъ подумала, что лежитъ чортъ, изъ столовой ясно донесся голосъ.

— Да, да, да, — говорить будто чортъ.

А вотъ въ пансіонѣ у нѣмокъ просыпается Оля среди ночи и слышитъ, какъ въ печкѣ заворчалось что-то и потомъ закурлыкало, въ родѣ какъ бы индюкъ заворчалъ

«Это чортъ», — подумала Оля.

Какія пошли страшныя ночи. Всѣ уснутъ, она одна не спитъ. И вотъ однажды не было ужъ терпѣнья, дышать стало страшно.

— Марина! — покликала Оля, — подойди ко мнѣ.

— Что тебѣ? — отозвалась Марина.

— Иди.

Когда Марина подошла, страхъ еще больше охватилъ Олю.

«А что, — вдругъ подумалось ей, — если это не Марина, а чортъ Мариной представился?»

— Перекрестись, — прошептала Оля.

— Ну теперь и ты перекрестись! — чуть не вскрикнула Марина: широко были раскрыты глаза ея.

Оля перекрестилась.

И Марина сѣла рядомъ. Но вдругъ у Оли еще разъ вспыхнуло сомнѣніе и, читая «Да воскреснетъ Богъ», принялась она крестить Марину.

— Я дѣйствительно Марина, я не исчезнула, — сказала Марина.

И теперь уже, не боясь другъ друга, сидѣли онѣ рядомъ на кровати въ какомъ-то страшномъ ожиданіи. И вотъ обѣ ясно услышали, какъ на трехъ ногахъ кто-то прошелъ мимо, ясно слышали: на трехъ ногахъ шелъ.

И, прижавшись другъ къ другу, продрожали ночь.

Вѣра Сахарова, примѣтивъ, какъ Оля по ночамъ боится, иногда ночью надѣвала на себя простыню и тихонько подходила къ Олиной кровати и стояла неподвижно вся въ бѣломъ бѣлая, какъ бѣлый мраморъ, съ распущенными черными косами.

Оля знала, что это не привидѣніе, что это Вѣра Сахарова — красивая, но всякій разъ, когда, просыпаясь, вдругъ видѣла ее, сердце переставало биться.

На утро Вѣра Сахарова увѣряла, что и не думала появляться, что спала на своей кровати крѣпко, а что вотъ Олѣ просто всюду страхи мерещатся.

Нерѣдко, измучившись, изморившись страхами, Оля забивалась подъ кровать и тамъ подъ кроватью проводила ночь.

Всѣмъ было извѣстно, что Вѣра Сахарова ведетъ дневникъ и давно всѣхъ разбирало любопытство прочитатъ. Вѣра Сахарова прятала дневникъ, но мѣсто, куда она его прячетъ, было въ концѣ концовъ отыскано. Оставалось только ждать случая, когда можно было бы приняться за чтеніе. И случай такой представился. Вѣра Сахарова ушла изъ пансіона въ гости и долго не возвращалась.

Оля была противъ чтенія, уговаривала дѣвочекъ не трогать тетрадки. Оля цѣнила, что Вѣра Сахарова прячетъ тетрадь, понимала, какъ можно бе-

речь и хранить свою вещь. У Оли тоже были завѣтныя вещицы: кромѣ маленькаго глобуса да нѣсколькихъ пестрыхъ коробочекъ, былъ у ней самый обыкновенный карандашъ, но который она хранила, какъ свое, только ей одной принадлежащее, и никому никогда этого карандаша не показывала. Оля представляла себѣ, какъ будетъ обидно и горько, если Вѣра Сахарова узнаетъ, что ея тетрадь трогали.

Но Олю гимназистки не послушали. Достали дневникъ, потушили лампу и, примостясь на Олиной кровати подъ лампадку, приступили къ чтенію.

Взяло любопытство и Олю, и какъ ни была она противъ, а подсѣла къ лампадкѣ. И вотъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, когда послѣ описанія подругъ, очередь дошла до Оли — «Оля Ильменева, — начала читать Гореславская, — дѣвочка двѣнадцати лѣтъ очень хорошенькая» — въ эту самую минуту упала лампадка.

Вся дрожала Оля, ждала себѣ наказанія: она поступила дурно и знала, что поступаетъ дурно, вотъ и упала лампадка! Да это еще что: ее скрючить, скорчить всю, какъ батюшку Свободина, и она не будетъ ходить, а поползетъ на четверенькахъ, какъ ползъ батюшка за гробомъ до церкви и отъ церкви до кладбища.

Оля долго не могла опомниться.

Страшный судъ, который можетъ каждую минуту наступить, смерть, которая можетъ каждую минуту взять, чортъ, который страшнѣе всякой смерти и всякихъ страховъ, непоправимость страстей Господнихъ, но которую надо непременно устранить, наказаніе, которое непременно приходитъ за всякій дурной поступокъ, и наконецъ Богъ, который можетъ отмѣнить Страшный судъ, остановить смерть, уничтожить всякій страхъ чорта, поправить непоправимое, и не посылать наказаніе, и все это можетъ сдѣлать по молитвѣ, если молиться, какъ тогда, какъ мать умирала, чтобы ничего не слышать

ни часовъ на каминѣ, ни другихъ, какъ молились сестры и братъ, чтобы ничего не видѣть, ни иконъ, ни сестеръ, ни брата, а только кричать, просить с в о и м и словами, — вотъ тайный и скрытый міръ, какимъ живетъ Оля, и не обмолвится.

Мысли объ этомъ таинственномъ мірѣ отходили, прятались, но никогда не пропадали, и весь смѣхъ, шалость и потѣхи не затрагивали этихъ мыслей, готовыхъ всякую минуту всплыть и закружить голову, а сердце заставить мучиться, а глаза плакать.

Цѣлыми недѣлями задумчивая и неразговорчивая, Оля вдругъ приходила въ неистовую веселость, бѣгала, хохотала, кричала, доходя до послѣднихъ шалостей и продѣлокъ, но веселость также внезапно смѣнялась раздумьемъ, и ужъ не слышно было Олиного звонкаго голоса и веселаго выразительнаго смѣха: молчаливая, роясь въ своихъ мысляхъ и мучаясь, бродила она необщительнымъ, одинокимъ звѣрькомъ или сидѣла на одномъ мѣстѣ, какъ сова, уставясь сѣрыми большими глазами, ничего не слыша и ничего не видя кругомъ себя.

6

При пансіонѣ Линде былъ огромный фруктовый садъ, одна часть сада сдавалась, въ другой занимались гимназистки.

Осенью такъ хорошо въ садахъ, когда въ ясный тихій день всѣ деревья словно загораются, и такъ хорошо воровать яблоки — спѣлыя висятъ они самыя вкусныя, крѣпкія и румяныя, и зорко слѣдятъ караульщики.

Рѣдкая гимназистка не воровала яблоки, хоть и поприезжено было изъ дому у каждой большой запасъ.

Княжну Шахъ-Булатову вызвали въ пріемную.

Немного спустя она снова появилась въ саду, но не одна, а съ черной страшной старухой.

— Баба-яга, — сказала Оля.

— Настоящая Баба-яга, — согласилась Марина.

— Носъ крючкомъ, — рассматривала Оля старуху.

— Черная, — широко раскрыла глаза Марина.

— Ты не знаешь, Марина, зачѣмъ она тутъ?

— Бабушка.

— Чья бабушка?

— Шахъ-Булатовой.

А старуха посидѣла съ княжной, поговорила о чемъ-то и ушла.

— Ты моей бабушкѣ очень понравилась, она говоритъ, что у тебя лицо поэтическое, — проводивъ старуху, подошла княжна къ Олѣ.

Оля только глядѣла на свою золотую красавицу и улыбалась ей.

Черезъ недѣлю снова появилась въ саду черная бабушка. Былъ такой же свѣтлый хорошій день, какъ тогда, все, словно горѣло и было золотымъ, какъ золотая княжна.

И опять сидѣла старуха съ княжной, о чемъ-то шептались. Потомъ княжна поднялась, подошла къ Олѣ.

— Бабушка съ тобой хочетъ познакомиться, — сказала княжна.

Оля пошла за ней.

Беззубымъ ртомъ улыбалась старуха, два огромныхъ черныхъ клыка показывала Олѣ.

— Бабушка, Оля всего Евгенія Онѣгина наизусть знаетъ.

— Ну прочитай мнѣ Онѣгина, — старуха гладила Олю по головкѣ, — прочитай, я люблю Онѣгина.

Оля читала. Старуха сидѣла и слушала. Оля долго читала.

— Ты ко мнѣ придешь? — перебила старуха.

— Непремѣнно приду, — вся покраснѣвши и

ясно глядя въ безпокойные острые глаза, сказала Оля.

— Такъ не забудь же! — и старуха поцѣловала Олю, а Олѣ показалось, будто не губы у ней, а какая то скользкая кость и стало неприятно, отошла и сплюнула.

— Ей Богу, вѣдьма, ей Богу вѣдьма! — говорила Марина, и широко раскрыты были глаза ея.

Въ первое же воскресенье княжна съ Олей отправилась послѣ обѣдни къ бабушкѣ.

Къ обѣду вернулись въ пансіонъ.

Сама не своя вернулась Оля. И вечеръ, слѣдующій день и вечеръ, и слѣдующій день и вечеръ, и всѣ три noci видно было, что неладное творится съ ней, но только она ни слова никому не сказала и была тихая. А на третье утро, когда итти въ гимназію, она не раскрыла своей шкатулки, не посмотрѣла на свой маленькій глобусъ, коробочки и карандашъ, только стянула крѣпче лифчикъ и рано, раньше, чѣмъ обыкновенно, вышла изъ пансіона.

Въ это время совсѣмъ неожиданно пріѣхала изъ Ватагина Наталья Ивановна — Оля столкнулась съ матерью у калитки.

За распросами о томъ-о-семъ, Оля рассказала о бабушкѣ. Она рассказывала, какъ познакомилась съ этой бабушкой, какъ въ воскресенье съ княжной въ гости къ ней ходили, какъ онѣ долго шли — бабушка жила за каланчей на краю города — какой домъ у бабушки въ саду за деревьями сразу не увидишь, какъ чисто и хорошо у бабушки въ комнатахъ, какія иконы и какія лампы, какъ бабушка обрадовалась Олѣ и угощала шоколадомъ и какъ потомъ княжна куда-то ушла, а Оля осталась одна со старухой.

«Оля, — сказала бабушка, когда остались однѣ, — ты должна посвятить себя Богу.»

«Да», — твердо отвѣтила Оля.

«Лѣвую грудь надо отрѣзать и положить подъ образа», — сказала старуха.

Олѣ страшно вдругъ стало и она ничего не отвѣтила.

«Согласна?»

Оля молчала.

«Лѣвую грудь надо отрѣзать и положить подъ образа, согласна?» — повторила старуха.

«Согласна.»

«Ну такъ подумай объ этомъ и опять приходи.» — старуха поцѣловала Олю.

Все это рассказывала Оля просто, какъ такое, что уже не тайна и что теперь рассказывать можно, и не замѣтила, что мать встала со стула и вся измѣнилась.

— Мама, я готова, я посвящу себя Богу.

*

А черезъ годъ весной Оля утонула — едва откачали.

Катались вечеромъ по Сутрѣ на лодкахъ — много было гимназистокъ, пристали къ берегу и рѣшили купаться. Купались хорошо, весело, а какъ ужъ выходить на берегъ, Женя Гореславская еще поплыла и попала въ кручу, стала тонуть. Бросилась за ней Марина, вывела изъ кручи Женю, а сама осталась. Бросилась Оля, схватила Марину за руку, а Марина — подъ себя Олю, да на нее ногами стала и выплыла, — Оли и признака нѣтъ. Рыбаки спасли. Едва откачали.

И съ тѣхъ поръ у Оли глаза, словно прояснились, и сѣрые стали, какъ озеро воды, то зеленые, то голубые — и темные сѣрые въ черный годъ.

Начало лѣта, какъ только кончатся экзамены, гостила Оля въ Меженинкѣ у любимой бабушки Татьяны Алексѣевны. Меженинка въ семи верстахъ отъ ихъ Ильменевскаго Ватагина.

Хорошъ Егорьевъ день въ Ватагинѣ, а въ Меженинкѣ и того лучше: выйдетъ батюшка о. Василій въ поле со святой водой поля кропить, а у каждой хаты ужъ съ хлѣбомъ-солью накрытъ столъ, обойдутъ крестнымъ ходомъ межи — освятится земля, благословить батюшка хлѣбы, и всю ночь до третьихъ пѣтуховъ играютъ хороводы и за алу варю лелейная пѣсня льется.

Вся въ вѣнкахъ и березкахъ проходить русалья недѣля — зеленый Семикъ, и жарка, что въ полѣ алый макъ, Троица. Хороша купальская ночь, знойно страдное ладо, хороши и дожинки, а лягушки поютъ куда лучше ватагинскихъ.

Когда за яркимъ закатомъ погаснетъ заря вечерняя, и перекукуетъ горькая кукушка, когда придетъ воркотунъ утомонъ, и самъ черный дроздъ присмирѣетъ, и умолкнетъ ночной соловей, а ранній спать, еще не проснулся, одна шепчетъ ночь, и въ ея шопотѣ звѣздномъ вотъ по старому пруду, заросшему ивой, кругъ за кругомъ, пойдутъ большіе круги — начинается пѣть пѣсню лягушка.

Оля боится лягушекъ, а пѣсню ихъ очень любить, а потому долго сидитъ на балконѣ, а глаза ея

— къ ночи, къ звѣздамъ. Или это ночь и со всѣми со звѣздами призадумалась надъ Олей, надъ своей любимой весенней звѣздочкой, и поетъ ей тоненько пѣсню лягушину.

И какъ не любить Олѣ Меженинку!

Тихо въ Меженинкѣ, благопріятно.

Бабушка Татьяна Алексѣевна, ея сестра — тетушка Евгенія Алексѣевна да экономка Анна Павловна, вотъ и весь домъ. Бабушка всѣхъ выше и дороднѣе, и очень щедрая, и чепчикъ на ней всегда бѣлый, гофреный, съ бантомъ; тетушка — одна кость, и очень скупая, и чепчикъ на ней безъ банта, а Анна Павловна самая маленькая и, какъ сама про себя говоритъ, несчастная во всѣхъ отношеніяхъ, и платокъ на ней темный.

Бабушка и Анна Павловна любятъ табачку нюхать, и только тетушка никогда не нюхала и вѣчно надъ ними подтруниваетъ, надъ табашницами.

— Въ старину было лучше, — говоритъ и бабушка, и тетушка, и Анна Павловна.

— Нынче и въ Бога не вѣрують, — замѣчаетъ тетушка.

— Кто въ Бога не вѣруетъ, червемъ ползучимъ поползетъ, такъ-то, сестрица.

— А я-то про что! — тетушка вскидываетъ темные, когда-то прекрасные, теперь грозные, большіе глаза, — вотъ, вѣдь, что выдумала... — и себѣ на умѣ усмѣхается: Богъ знаетъ, ужъ не кажется ли ей, что это въ ея огородъ бабушка.

— И предложенія дѣлали не такъ, какъ теперь, — говоритъ бабушка.

— Бабушка, какъ же у васъ дѣлали предложеніе? — спросить Оля.

— Да не такъ, какъ вамъ будутъ дѣлать, а съ уважаніемъ.

Ахъ, какъ жаль,
Что камаль
Вышелъ ужъ изъ моды.
Скоро шаль
И вуаль
Спрячутся въ комоды...

— напѣваетъ Анна Павловна, несчастная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Бабушка, а какъ вамъ дѣдушка дѣлалъ предложеніе?

— Что ты, Оля, я ужъ и забыла, — и смотреть такими добрыми и ясными глазами, — а только вотъ помню, гадали мы на Крещенье, и вижу я себя въ зеркало, а за стуломъ Иванъ Васильевичъ стоитъ. Я и говорю сестрицѣ Евгеніи Алексѣевнѣ: «Смотрите, сестрица, какъ гаданья не вѣрны: кого я увидѣла, Ивана Васильевича!» А вотъ все такъ и вышло.

И начинаются долгіе, неторопливые рассказы и со всякими подробностями и мелочами посторонними, кто и какъ дѣлалъ предложеніе. Рассказываетъ бабушка, за бабушкой тетюшка.

— А мнѣ генераль дѣлалъ предложеніе, — вступаетъ Анна Павловна, — а я ему отказала.

— Расскажите, Анна Павловна! — просить Оля.

Но Анна Павловна никакъ не можетъ не жеманиться и долго не сдается на просьбы.

— Жила я экономкой у Солониновыхъ, — наконецъ-то начинаетъ она и съ нескрываемымъ удовольствіемъ, — пріѣхалъ генераль Ольховскій и говорить: «Анна Павловна, поѣдьте ко мнѣ въ экономки!» А я говорю: «Женитесь на мнѣ, тогда и поѣду». А онъ ни слова. Такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ.

— Да вѣдь, это же вы ему дѣлали предложеніе, а онъ вамъ отказалъ.

— Да нѣтъ же, совсѣмъ нѣтъ! Какъ вы, Оля, не понимаете: онъ мнѣ дѣлалъ предложеніе, а я ему отказала, — и ужъ безъ всякаго удовольствія, съ ожесточеніемъ, слово въ слово сызнава повторяетъ она и готова безъ конца повторять: — жила я экономкой у Солониновыхъ, пріѣхалъ генералъ Ольховскій и говоритъ: «Анна Павловна....» — слезы навертываются на ея жалкіе глаза.

— Ну, на что пристало! — замѣчаетъ бабушка Олѣ, — ну, дѣлалъ генералъ предложеніе, Анна Павловна отказала...

Оля согласна, только не можетъ никакъ сдержаться и улыбается.

— Бабушка!

А бабушка ровно бѣ и осердилась.

Ахъ, какъ жаль,
Что камаль
Вышелъ ужъ изъ моды.
Скоро шаль
И вуаль
Спрячутся въ комоды...

— Бабушка, а какія у васъ пѣсни пѣли?

— И что тебѣ разказать, Оля, не помню... — и смотреть такими добрыми и ясными глазами, — погоди, вспомнила! — и такъ ласково беретъ Олю за подбородокъ и начинаетъ пѣсню, не поетъ, а говоритъ ее, какъ поетъ, старинную про Волгу, про молодца-разбойника, про атамана Стеньку Разина да про дѣвицу-красавицу въ золотой лентѣ.

— Только у насъ на Волгѣ и пѣсни настоящія! — замѣчаетъ тетюшка.

— Тутъ какія пѣсни, такъ, курамъ на смѣхъ! — поддакиваетъ Анна Павловна.

— Да и пѣсенъ нынче не поютъ, перепѣлись всѣ, — покачиваетъ головой бабушка.

— И пироговъ не умѣютъ печь, такъ, какіе-то маленькіе... — продолжаетъ свое Анна Павловна, — и мнишки тутъ въ ротъ не возьмешь.

(Мнишки это — творожники).

— Въ старину было лучше, — говоритъ и бабушка, и тетушка, и Анна Павловна.

Бабушка родомъ костромская, а попала она изъ Костромы въ Меженинку неисповѣдимой случайностью. Досталась эта Меженинка по наслѣдству дѣдушкѣ Ивану Васильевичу, предокъ котораго, важный петровскій вельможа, попавъ въ царскую немилость, сосланъ былъ въ Сибирь, откуда уже потомки его перебрались на Волгу. Иванъ Васильевичъ съ бабушкой и со всѣмъ домомъ — съ дочерью-невѣстой и сыномъ — пріѣхалъ вводиться во владѣніе, захворалъ и померъ, а тутъ Наташа вышла замужъ за ватагинскаго помѣщика Александра Павловича Ильменева, а сынъ Алексѣй получилъ мѣсто въ губернскомъ городкѣ. Такъ и не вернулась бабушка на Волгу въ свою родную Кострому, а осталась вѣкъ вѣковать въ Меженинкѣ.

*

Тихо въ Меженинкѣ, благопріятно.

Весной выставляютъ рамы, на Великомъ посту говѣютъ, убираются къ Пасхѣ, красятъ яйца, пекутъ куличи и дѣлаютъ паски, лѣтомъ варятъ варенье, мочатъ, солятъ и сушатъ, осенью вставляютъ на зиму окна, передъ Рождествомъ убираются, какъ передъ Пасхой, въ сочельникъ ждутъ звѣзду, три кутьи справляютъ: постную подъ Рождество, богатую и щедрую подъ Новый годъ, голодную подъ Крещенье; зимой жалуются на холодъ, лѣтомъ на мухъ и жару, осенью на дождикъ.

Тихо и мирно проходятъ дни, день ото дня, не спѣша. Вечерами на сонъ грядущій потихоньку

другъ на друга поварчиваютъ: тетушка на бабушку, бабушка на тетушку, и тетушка и бабушка на Анну Павловну, Анна Павловна на судьбу несчастную.

Ужъ лѣтъ десять будетъ, какъ померла страшная тетушка Александра Алексѣевна, жившая тоже въ Меженинкѣ у бабушки, лѣтъ десять будетъ, какъ бабушка и тетушка подѣлили сестрино добро, и хотъ тетушка Евгенія Алексѣевна сколько разъ считала потомъ и пересчитывала, нѣтъ-нѣтъ да и найдетъ на нее въ родѣ сомнѣнія: правильно ли поровну раздѣлено добро покойной сестрицы Александры Алексѣевны и не досталось ли больше бабушкѣ? И эти сомнѣнія свои выражаетъ она вслухъ.

Бабушка долго помалкиваетъ, будто и не слышитъ, но ее, наконецъ, прорываетъ, и она только ищетъ зацѣпку сердце сорвать.

Передъ тѣмъ, какъ укладываться, тетушка принимается за перину — перинъ въ Меженинкѣ горы! — и вотъ другой разъ, какъ на грѣхъ, окажется, что перина-то не тетушкина, а Натальи Ивановны, Ильменевская: по какимъ-то мѣткамъ и рубчикамъ запримѣтитъ это бабушка, и зацѣпка есть.

— А вѣдь, перинка-то Наташина! — поддѣваетъ бабушка.

И теперь тетушка будто не слышитъ, помалкиваетъ, перебиваетъ перину.

— А вѣдь, перинка-то Наташина! — повторяетъ бабушка и до тѣхъ поръ повторяетъ, все одно и то же, пока у той ужъ послѣднее не лопнетъ терпѣніе.

— Ну, что, въ самомъ дѣлѣ, Наташина и Наташина! Что я сдѣлаю съ периной?! — вскидываетъ тетушка темные, когда-то прекрасные, теперь грозные, большіе глаза и горько усмѣхается.

Да такъ и улягутся, а сонъ все помирить.

И настанетъ день тихій и мирный, неторопливый, меженинскій.

Тихо въ Меженинкѣ, благопріятно.

Чай пьютъ на балконѣ и слѣдятъ за тѣнью и, гдѣ тѣнь падетъ, тамъ и днюютъ, и когда дождутся прохладной, отѣннить она, вечерняя, широкое бабушкино крыльцо, усядутся втроемъ на крылечкѣ, посидятъ-посидятъ, расскажетъ которая въ который разъ о событіи памятномъ и всегда съ подробностями и мелочами посторонними, пообсудятъ это событіе, также не разъ пересуженное, помолчатъ да и ужинають.

Хороши цвѣты въ Ватагинѣ, а въ Меженинкѣ и того краше. Бабушка сама за цвѣтами ходитъ, сама и поливаетъ, сама и пересаживаетъ.

Вокругъ дома цвѣтникъ, что Божій рай — тутъ и уголекъ - въ - огонькѣ — цвѣтъ красный, по середкѣ черный, и синія и красныя растрепанныя барышни, и астры, георгины, петунья, портулакъ, резеда, піоны, анютины глазки, и мальва, и розы. И въ саду у пруда много кустовъ розъ бѣлыхъ и пунцовыхъ. А есть чудесная орѣшья — нигдѣ такихъ орѣховъ нѣтъ вкусныхъ, какъ съ этой орѣшья. И поспѣваютъ еще бѣленькія яблочки, чуть-чуть съ кислинкой, тоже очень вкусныя, а растеть яблонь только въ саду у бабушки.

Какъ хорошо пить чай въ тѣни подь старыми липами!

Подадутъ самоваръ, вотъ встанетъ бабушка и не спѣша пойдетъ по дорожкѣ къ дому — ключи всегда при ней — тамъ откроетъ высокій душистый шкапъ, наберетъ сластей и лакомствъ и, также не спѣша, съ полнымъ блюдомъ въ рукахъ, возвращается по той же дорожкѣ къ самовару, подь старыя липы, и чего-чего только нѣтъ на блюдѣ: и яблокъ, и грушъ, и вишенъ, и сливъ, и конфетъ всякихъ, и орѣхи, и пастила, и все такое, всего попробуй — и сытъ, а такъ и тянетъ еще.

Какъ хорошо вечеромъ пройтись погулять съ бабушкой на цвинтаръ, къ старымъ грустнымъ крестамъ на могилки! А какой подносъ подается у ба-

бушки на Рождество и Пасху, на рожденье и въ именины, — одному ни по чемъ не поднять, а среди гостинцевъ все самое любимое Олино, первой лакомки и самой любимой внучки. А какія книги, въ какихъ чудесныхъ переплетахъ нашла Оля въ амбарѣ, — въ амбаръ вынесены стояли съ незапамятныхъ временъ, — и всѣ эти книги возьметъ съ собой Оля.

*

На Астія Диракійскаго день рожденья бабушки. Въ этотъ торжественный меженинскій день съ тѣхъ поръ, какъ Оля научилась вышивать крестикомъ пѣтушковъ и елочки, а первый пѣтушокъ удался ей въ двѣнадцать лѣтъ, дарить она бабушкѣ вышитую кофточку. А въ это лѣто подарила Оля бабушкѣ уже четвертую кофточку и подаркомъ своимъ до слезъ растрогала бабушку.

— Спасибо, Олюшка, спасибо! — повторяла бабушка и смотрѣла такими добрыми глазами на свою ясную любимицу.

Справили бабушкино рожденье. Всѣмъ домою пріѣзжали изъ Ватагина поздравлять бабушку и Наталья Ивановна, и Александръ Павловичъ съ Ириной, Леной и Мишей.

Справили черстовое рожденье. И разѣхались гости.

И Оля бы не прочь къ своимъ, да бабушкѣ безъ Оли скучно. И только спустя какую недѣлю, какъ поспѣтъ первымъ бѣленькимъ яблочкамъ, бабушка отпустила Олю.

Подѣловавшись съ бабушкой несчетно разъ и очень крѣпко, а съ тетусшкой поменьше, а съ Анной Павловной совсѣмъ немного — Анна Павловна какая-то холодная! — простилась Оля съ любимой Меженинкой.

Два старика славились въ Ватагинѣ у Ильменевыхъ: Ѳедотъ Прямой — камердинеръ да Ѳедотъ Кривой — ключникъ.

Ѳедотъ Прямой извѣстенъ былъ тѣмъ, что съ молодости лѣтъ изображалъ въ Пасхальную ночь въ ватагинской церкви никого другого, какъ самого нечистаго Дьявола, что впослѣдствіи взялъ на себя ильменевскій кучеръ Григорій. Обычно во время крестнаго хода, когда весь народъ выходитъ изъ церкви, одинъ оставался въ церкви Ѳедотъ и держалъ крѣпко двери, какъ нечистая сила, упорно не желая пускать крестный ходъ назадъ въ церковь. И только, когда съ паперти доносился до него возгласъ «Да воскреснетъ Богъ», онъ, побѣжденный, распахивалъ двери и подъ пѣніе «Христосъ воскресъ» бѣжалъ — бѣжалъ черезъ всю пустую церковь, чтобы гдѣ-нибудь, конечно, провалиться въ преисподнюю, при этомъ такъ хитро и ловко вель свою игру, такія выдѣлывалъ рожи, такъ корчился, такъ похожъ былъ на правдошнаго чорта, что однажды другой Ѳедотъ, Ѳедотъ Кривой, нагнавъ его улепетывающаго, не стерпѣлъ и усердія ради такъ его хватилъ въ загорбокъ, что бѣдняга лишь на третій день, да и то едва-едва опомнился. Кромѣ этой своей отвѣтственной роли въ Пасхальномъ дѣйствіи и, какъ сами видите, довольно-таки рискованной, извѣстенъ онъ былъ еще какъ мужъ няньки Фатевны, что ужъ совсѣмъ невѣроятно, и хотъ померъ онъ вотъ ужъ на Ильинъ день лѣтъ пять будетъ, а всѣ почему-то который годъ повторяютъ, что это случилось совсѣмъ недавно, ну, третьяго года.

Другой Ѳедотъ, Ѳедотъ Кривой, все еще живъ, живетъ, здравствуетъ и помирать вовсе не собирается, а перевалило ему годовъ за девяносто. Извѣстность его пошла съ воли, когда не захотѣлъ онъ

принять волю и остался въ ильменевскомъ домѣ служить вѣрой и правдой, какъ прежде, крѣпостнымъ человѣкомъ. Всѣ ключи отъ амбаровъ хранились у него споконъ вѣка, и никогда не бывало, чтобы какое несчастье.

Когда случалось, пріѣзжала въ Ватагино старшая тетка Людмила Павловна, сестра Александра Павловича, она всегда, какъ родному, рада была старому ключнику и называла его не иначе, какъ своимъ первымъ другомъ.

«Бывало, не соглашается маменька, чтобы студентовъ мы приглашали: неприлично барышнямъ приглашать! — вспоминала тетка молодость, — а мы, бывало, къ Федоту, съ вечера дадимъ ему записку, онъ на лошадь, доѣдетъ до перваго табуна, пересядетъ, да такъ въ ночь и доберется до города и къ утру обратно. А на другой день смотришь, и являются гости!»

Вотъ каковъ Федотъ самолетъ! И не только въ свое время угождалъ онъ барышнямъ Ильменевымъ, исполняя порученія ихъ и возможные и невозможные, былъ онъ и первый слуга у молодыхъ тогда офицеровъ — у Александра Павловича и у покойнаго Василя Павловича, видывалъ виды.

Если Оля ставила что на своемъ и, какъ ни уговариваютъ, ни за что не уступить, называли Олю Василемъ Ильменевымъ.

Въ роду Ильменевыхъ все были крѣпкіе и рослые и ни одного такого, чтобы тамъ на грудь жаловался, а Василій Павловичъ — и Ильменевъ, а умудрился и отъ чахотки померъ. Бывало, покойная бабушка Анна Михайловна много чудесъ всякихъ рассказывала о своемъ отчаянномъ безсчастномъ Василя, а попутно и о слугѣ его примѣрномъ Федотѣ: чего только не бывало, тоже поѣдутъ въ го-

родъ честь-честью, а домой пѣшкомъ, — и экипажъ и лошадей все спустить въ карты!

Безъ Ѳедота въ Ватагинѣ ни одно дѣло не дѣлалось и, кажется, ни одно событіе не совершалось: во всей жизни навѣчныхъ господъ своихъ принималъ Ѳедотъ самое близкое участіе. Имѣлъ онъ не два, а одинъ глазъ, но и единственный зеленый былъ его глазъ зорокъ и другого не надобилось, и, слава Богу, слышалъ онъ все отчетливо до зуда комариного, на глухоту не жаловался. А спящимъ его никогда не видали, и потому-то воры его, какъ огня, боялись и за три версты прочь бѣгали.

Вотъ каковъ былъ Ѳедотъ Кривой, а за смертью Прямого, Ѳедотъ и единственный.

Вечеру по холодку закатному бабушкина тяжелая десятиимѣстная наточанка, не уступавшая ильменевскому трундулету, въѣхала въ Ватагино. И у мельницы встрѣтилъ Олю, какъ полагается, Ѳедотъ.

— Ну, что, Ѳедотъ, какъ у насъ? — спросила Оля, когда Ѳедотъ усѣлся на облучокъ къ бабушкину Конону.

— Слава Богу, все благополучно, барышня, изъ городу гости пріѣхали.

— Ко мнѣ? — обрадовалась Оля.

— Двѣ барышни: Рогачева да Протасова. Къ Боровымъ Костя изъ корпуса пріѣхалъ, Константинъ Анатольевичъ. Отъ тетушки Людмилы Павловны письмо получилось: на Успенье въ Ватагино общались. Къ братцу вашему учитель студентъ ходитъ, — Ѳедотъ помолчалъ и безнадежно добавилъ, — такъ въ чемъ душа.

Съ Ѳедотомъ пахнуло домоу, за разспросами о домашнихъ незамѣтно, что легкія дрожки, прокатила тяжелая наточанка мимо батюшки о. Евдокима, мимо Покровской церкви, сада Перовыхъ, Вѣры Стрѣшневой, Лены Боровой, и вотъ двумя бѣлыми башнями показался бѣлый ильменевскій домъ.

Ѳедотъ спрыгнулъ съ облучка, легко растворилъ ворота на широкій зеленый, такой зеленый дворъ, навстрѣчу любимой своей барышнѣ Ольгѣ Александровнѣ, которой не меньше Ѳедота обрадовались всѣ дворняги, и черныя и бѣлыя, и охотничій ласковый рыжій Кадо.

Заслыша звонъ колокольчиковъ, съ крикомъ выскочили изъ гороха Катя Рогачева и Лида Протасова, а на крыльцо вышелъ самъ Александръ Павловичъ.

— Папочка! Папочка! Катя! Лида! — кричала Оля, сама запыхавшаяся отъ радости, и бѣлому дому съ башнями, и двору такому широкому да такому зеленому.

Лошади еще не стали, Оля соскочила. И упала. Поднялась и, какъ ни въ чемъ, побѣжала по зелени — по землѣ родимой.

3

Двѣ подружки было у Оли неизмѣнныхъ ватагинскихъ: Вѣра Стрѣшнева да Лена Боровая.

Съ Вѣрой Стрѣшневой завелась дружба съ прошлаго лѣта, когда перешла Оля въ седьмой классъ. Оля первая навѣдалась къ Вѣрѣ и пригласила ее, а до тѣхъ поръ ни Оля, ни Вѣра, несмотря на сосѣдство, другъ у друга не бывали. Вѣра простая ватагинская барышня, ни въ гимназіи, ни въ институтѣ не училась, а было у нея то, что никакой гимназіей, ни институтомъ не дается, то, что называется

душевнымъ благородствомъ, — совѣстливость и внимательность, а это-то Олю и потянуло къ ней.

Съ Леной Боровой Оля съ дѣтства дружила, — Боровые сосѣдки, постоянные гости Ильменевыхъ, свои. Лена ровесница Вѣрѣ, старше Оли года на два. Всегда безпокойная, и тогда еще, какъ маленькую привозили ее къ Ильменевымъ, много бывало съ нею хлопотъ и возни и ничѣмъ не угодишь: и то ей не по вкусу, и это не нравится, и молоко-то будто не такое, и хлѣбъ не такой.

«Будешь, какъ Лена Боровая!» — говорила Олѣ нянька Фатевна, когда Оля начинала рипѣть, какъ выражалась Фатевна.

Лена училась въ гимназіи и, пріѣзжая на каникулы, посвящала Олю въ свои ученическія шалости: она рассказывала ей, какъ учителямъ чихала на ухо, какъ ловко и безъ передышки умѣла проикать цѣлый урокъ, какъ у какой-то гимназистки во время сна обрѣзала рѣсницы, и все въ такомъ родѣ, очень завлекательно и удивительно для такой до-вѣрчивой, какъ Оля. Гимназію Лена не кончила. Какъ-то ужъ въ послѣднихъ классахъ пріѣхала она на Рождество домой и съ ней словно стало что: и такъ безпокойная, еще безпокойнѣе стала или, какъ говорили про нее, юроды гонить, а отчего юроды гонить, понять никто ничего не могъ. Изъ дому она выходила только къ Олѣ. Съ вечера четверга до вечера пятницы никуда не выходила: это былъ самый мучительный для нея день въ недѣлѣ — она боялась, умереть. И только, когда появлялась Оля, страхъ пропадалъ.

Александръ Павловичъ, съ которымъ она особенно охотно разговаривала, любилъ ее за все ея безпокойство и юроды.

«Она не такая, какъ всѣ!» — говорилъ онъ про Лену.

И это правда: когда угодно и кому угодно Лена могла отмочить такое и не съ глазу-на-глазь, а и при всѣхъ, тутъ ей не было страху, а это-то Олю въ ней и привлекало.

*

Вечеръ начался весело.

Бѣлый столъ, серебряный отъ стариннаго ильменевскаго серебра, былъ бѣлѣе и серебристѣе. Или послѣ Меженинки, цвѣтистой, запущенной, такъ показалось Олѣ, или о домѣ она больно соскучилась, или самъ домъ ей былъ радъ, и вотъ нарядился въ серебро, какъ въ праздникъ?

Кромѣ своихъ — Миши, Ирины и Лены и двухъ гостившихъ подругъ Олиныхъ гимназистокъ — Кати Рогачевой и Лиды Протасовой — были гости: конечно, Вѣра Стрѣшневa и, конечно, Лена Боровая, братъ Лены кадетъ Костя, близнецы Лупичевы Петръ и Павелъ и совсѣмъ новый человѣкъ — учитель Миши, студентъ Карауловъ.

Миша рассказывалъ смѣшныя анекдоты, и самъ смѣялся, но не меньше смѣялись и слушатели, студентъ Карауловъ пѣлъ куплеты и, хоть голосъ у него былъ слабый, но за то съ большимъ чувствомъ, и тоже смѣшное съ разными такими смѣшными припѣвами.

Потомъ танцовали.

Александръ Павловичъ весь вечеръ не оставлялъ гостей. Онъ сидѣлъ въ креслѣ около камина подъ часами и, когда начались танцы, пошелъ танцевать мазурку съ Олей.

Какъ онъ ей радъ былъ, своему котику, — такъ называлъ онъ Олю ласково, — и какъ смотрѣлъ на нее, какъ ласково, и улыбался ей! А какъ танцевалъ онъ, такъ теперь никто не танцуетъ.

— Папочка, милый папочка, какъ легко съ тобой танцовать и хо-ро-шо! — улыбалась Оля соей ясной улыбкой.

И было въ ней столько здоровья, какъ крѣпкихъ силъ въ черной плодоносной землѣ ея. А тяжелыя косы волнились, что нива.

Много потѣшались надъ близнецами Петромъ и Павломъ: оба необычайной страсти къ танцамъ и, несмотря на науку,—а училъ ихъ самъ Александръ Павловичъ, — танцовали только въ одну сторону, а въ другую никакъ не выходило. Медвѣжатами прыгали они по залу, то-и-дѣло вытираясь клѣтчатыми носовыми платками и притомъ съ такимъ рвеніемъ и такъ крѣпко, словно бы и въ самомъ дѣлѣ грѣла ихъ шкура.

Карауловъ — въ чемъ душа, вспоминалось Олѣ, — ловчѣе всѣхъ носился, пристукивая каблукомъ, и такъ живо дѣлалъ круги, что и всякая блѣдность пропала.

Больше всего танцовалъ Карауловъ съ Олей.

Натанцовались, затѣяли игры.

Играли въ цензуру. Игра заключается въ томъ, что по выбору счетомъ двое выходило изъ круга: одинъ садился на «цензуру», а другой собиралъ о немъ мнѣнія и затѣмъ вслухъ передавалъ ему, и, чье мнѣніе кажется самымъ замѣчательнымъ, тотъ долженъ выйти изъ круга и самъ сѣсть на цензуру.

Оля сидѣла на цензурѣ, а Лена собирала мнѣнія.

И, обойдя кругъ, Лена принялась громко рассказывать Олѣ всякія о ней мнѣнія и смѣшныя, и нѣжныя, и совсѣмъ ни къ чему не относящіяся, и никакое не тронуло Олю и лишь одно и притомъ совсѣмъ непохожее, стишокъ — «Ольга красавица по улицѣ таскается...» и еще что-то въ такомъ же родѣ.

— Чье это мнѣніе? — спросила Оля.

Въ кругѣ никто не пошевелинулся, словно и мнѣнія такого не было, и не было кому выходить.

— Кто же это сочинилъ?

Оглядывая кругъ, посмотрѣла Оля и на отца, и

показалось ей, что сидитъ онъ тамъ у камина, нахмурился.

— Ну, кто же, кто?

И вотъ какъ-то робко и такой блѣдный—въ чемъ душа, вспомнилось Олѣ — выступилъ Карауловъ. Онъ долженъ былъ подойти къ Олѣ, но не сдѣлалъ и шагу, какъ съ кресла отъ часовъ поднялся Александръ Павловичъ.

И почему-то стало такъ тихо,—тамъ въ саду кузнечики стрекотали, слышно.

Карауловъ повернулся и, сгорбившись, быстро пошелъ изъ залы.

И съ того вечера онъ больше не появлялся у Ильменевыхъ въ домѣ.

4

Изъ Лубенцовъ пріѣхалъ сынъ Ксаверія Матвѣевича студентъ Лампадъ приглашать Олю и подружку ея, гимназистокъ, въ Лубенецкій лѣсъ на кашу. Лубенцы ближе ближняго, на полпути между Ватагинымъ и Меженинкой.

Лампадъ очень просилъ Наталью Ивановну, а гимназистки увѣряли, что на кашѣ будетъ и Ксаверій Матвѣевичъ и Александрія Кенсориновна непременно. И Олю съ подружками отпустили, но чтобы вернуться не поздно и съ лошадьми поосторожнѣе.

Много было веселаго въ дорогѣ, а еще веселѣе въ лѣсу на кашѣ.

Само собой, ни Ксаверія Матвѣевича, ни Александрии Кенсориновны не было, а былъ докторъ Перепелка Андрей Ѳеодоровичъ, самъ Лампадъ да сестра его Асклиподота. Читали стихи, Андрей Ѳеодоровичъ рассказывалъ чудесныя исторіи изъ своей студенческой жизни, въ подлинности которыхъ Оля

ничуть не сомнѣвалась, и всему вѣрила. Лампадь показывалъ удивительные фокусы.

И совсѣмъ незамѣтно прошелъ вечеръ, кашу съѣли и погасъ костеръ.

Ну, простились, ну, и поѣхали — Оля, Катя и Лида, ну, и вернулись. И какое ужъ тамъ поздно, о такомъ позднемъ часѣ и въ голову не приходило, — ужъ солнце поднялось куда выше бѣлыхъ ильменевскихъ башенъ, и Олинъ аистъ полетѣлъ себѣ за кормомъ.

А за то крѣпко какъ заснули!

Но прошла пора, и забота смѣнила сонъ.

Рѣшили такъ: пускай первая идетъ къ чаю Лида — Лида Протасова и тише Кати и довѣрія ей больше — что-нибудь такое скажетъ: объяснить.

Конечно, Наталья Ивановна была очень недовольна: такъ поздно вернуться!

— Лошади не поспѣли, — вся покраснѣла Лида, — Ксаверій Матвѣвичъ и Александрія Кенсориновна очень извиняются...

Тутъ вошла въ столовую Оля, а за Олей Катя.

И въ разговорахъ Наталья Ивановна понемногу успокоилась.

А разговоръ только и былъ, что о лубенцкой кашѣ, какъ весело было въ лѣсу, какъ самъ Ксаверій Матвѣвичъ въ лѣсъ съ ними ѣздилъ и Александрія Кенсориновна, и костеръ разложили, и какъ Ксаверій Матвѣвичъ пѣлъ у костра и рассказывалъ очень смѣшное.

— Изъ священной исторіи! — прибавила озорная Катя и сама же расхохоталась.

И за ней всѣ стали смѣяться, но совсѣмъ нетому, что разсмѣшило Катю: ни Ксаверій Матвѣвичъ, поющій у костра, — если бы вы только видѣли, что такое этотъ Ксаверій Матвѣвичъ и не поющій! — ни священная исторія, замѣнившая Лампадовы фокусы и Перепелкины исторіи, нѣтъ, не это, — день хорошій и еще хорошо было, что все такъ благопо-

лучно кончилось, и Наталья Ивановна совсѣмъ пересердилась, а сама улыбается Олѣ.

«Мамочка, ты пойми, мамочка, какъ намъ было весело!» — отвѣчала ей Оля своей ясной улыбкой.

Послѣ дневной жары, отъ которой только и можно спастись, что въ комнатахъ за ставнями, чуть только повѣялъ вечеръ, выбѣжала въ садъ Оля, а за ней Лида и Катя. Качались на качеляхъ, накачались и гулять. Ходили на мельницу, когда-то запретное мѣсто, и дальше въ поле. Набрали цвѣтовъ вотъ такіе букеты, — если Оля за что принималась, выходило всегда съ избыткомъ.

Онѣ шли со цвѣтами, сами, какъ въ полѣ цвѣты несѣянные.

По небеснымъ полямъ выходили звѣзды лѣтнія и такіа теплыя.

«Благословеніе мое на васъ!» — вѣяло въ волѣ.

Отъ церкви онѣ поспѣшили: не опоздать бы къ ужину!

Добѣжали до дому, смотрять, а на дворѣ а столы — такъ Ксаверій Матвѣевичъ называлъ волонъ, на которыхъ развѣзжалъ по сосѣдямъ. Стало быть Ксаверій Матвѣевичъ! Сердце такъ и упало: какъ же теперь съ кашей-то, на которой старикъ и пѣлъ у костра и разсказывалъ смѣшное... изъ священной исторіи?

Роняя цвѣты, вошли онѣ въ домъ.

Въ столовой за самоваромъ сидѣлъ Ксаверій Матвѣевичъ и, благодушествуя, оканчивалъ свой всегдашній и непремѣнный разсказъ, какъ въ молодости, выѣхавъ однажды на первый день Пасхи съ визитами, онъ загрузъ на площади, передъ женской гимназіей, и какъ его вытаскивали.

И, какъ всегда, Александрія Кенсориновна, слушая съ неизмѣннымъ вниманіемъ, какъ новое, ужасное происшествіе, сочувственно кивала.

— Да такъ и бросили! — разсказчикъ привычно махнулъ рукой, тѣмъ и заканчивался разсказъ.

— Ну, а какъ было на кашѣ, Ксаверій Матвѣвичъ? — спросила Наталья Ивановна.

— Куда намъ съ молодежью! Намъ, старикамъ, и безъ каши, всего пріятнѣе дома посидѣть.

На слѣдующій день Лида Протасова уѣхала къ себѣ въ Протасовку.

А вскорѣ послѣ этой каши лубенецкой Наталья Ивановна собралась въ Меженинку.

Оля ни за что не захотѣла. И какъ ни уговаривали, поставила на своемъ, — сущій Василій Ильменевъ! Иначе она и не могла сдѣлать: вѣдь, если бы она уѣхала, пришлось бы и Катѣ уѣхать изъ Ватагина, а Катя влюбилась въ кадета Костю и готова была хоть все лѣто гостить у Ильменевыхъ.

Оля не знала, какія такія причины, и почему Катя считалась отверженной среди гимназистокъ ея круга. Олѣ говорили, что она ей не ровня, и одно время даже въ домъ къ ней не пускали Олю. А эта-то отверженность и привязала ее къ Катѣ, безолаберной, какъ сама себя называла Катя.

Остаться дома ради Кати, не ѣхать со всѣми къ любимой бабушкѣ въ Меженинку—Олѣ стоило многого.

И вотъ, когда ильменевскій трундулетъ съ Натальей Ивановной, Иринѣй, Леной и Мишей скрылся за осокорями и стало такъ пусто въ домѣ, такъ пустынно, Оля и Катя пошли на сѣноваль, сѣли рядышкомъ и проплакали день до вечера.

5

На именины самого Борового, отца Лены, у Боровыхъ единственный разъ въ году справлялось большое торжество — шелъ пиръ на все Ватагино.

Александръ Павловичъ, избѣгавшій всякіе вечера и именины, пошелъ къ Боровымъ только для Оли.

— Знаешь, кто тебя хочет видѣть? — шепнула Лена.

— Кто?

— Карауловъ.

— Карауловъ? — Оля за недѣлю ни разу и не вспомнила про студента.

— Хочетъ извиниться. Онъ и самъ бы сюда пришелъ, да боится. Онъ у Перовыхъ.

И Лена увела Олю отъ гостей съ балкона. И черезъ калитку изъ ихъ сада прошли онѣ въ садъ Перовыхъ.

Въ саду уже ждалъ Карауловъ, очень волновался.

— Просто по какому-то мальчишеству произошло тогда... это мое стихотвореніе.

— Я то ничего, — Олѣ и самой стало неловко, она, вѣдь, ни въ чемъ его не винила, — вотъ только какъ папа: папа тогда очень на васъ обидѣлся за меня.

Карауловъ былъ счастливъ: Оля его не винить, а въ этомъ и все. Лена отвела его въ сторонку и что-то говорила ему, а онъ только покорно слушалъ.

И онѣ пошли изъ сада.

— Знаешь, Оля, Карауловъ живетъ у Стрѣшневыхъ. Мнѣ Вѣра рассказывала, всю онъ недѣлю проплакалъ.

На слѣдующій день Карауловъ пришелъ къ Ильменевымъ и долго сидѣлъ у Александра Павловича. А когда Наталья Ивановна вернулась изъ Меженки, Мишѣ снова пришлось взяться за книги, — Карауловъ опять сталъ бывать въ домѣ.

Въ домѣ у Ильменевыхъ заведенъ былъ такой порядокъ, чтобы чай разливали поочереді: одинъ день Ирина, другой день Оля, третій день Лена.

Оля никогда не разливала. За Олю разливалъ чай Карауловъ и исполнялъ всѣ обязанности хозяйки необыкновенно предупредительно, обращаясь съ чашками съ той же нѣжностью, какъ съ своими бѣленькими мышками.

О жизни Караулова мало чего знали, да какъ-то и не приходило въ голову разузнавать, одно было извѣстно, что матери у него нѣтъ, а мачеха.

— Мачеха у васъ молодая? — спросила какъ-то Наталья Ивановна.

— Была когда-то молодая, — отвѣтилъ Карауловъ.

Такъ, въ такомъ вотъ родѣ обыкновенно отвѣчалъ онъ, но у него былъ другой голосъ и слова другія, когда говорилъ онъ съ Олей. А сѣрые глаза его темнѣли. И Олѣ всегда казалось, когда онъ говорилъ съ ней, будто у него гдѣ-то больно дѣлается.

Олю тяготило разливаніе чая, Карауловъ за нее разливалъ чай. Оля любила получать письма, а письма обыкновенно подолгу заваливались на почтѣ, и вотъ Карауловъ чуть свѣтъ пѣшкомъ шель въ городъ на почту и, какъ встать Олѣ, былъ уже дома, и письма Оля получала во время.

Отъ Стрѣшневыхъ, гдѣ снималъ Карауловъ комнату, перебрался онъ къ Ильменевымъ и поселился въ саду, въ будкѣ. По уткамъ онъ занимался съ Мишей, днемъ съ книгой уходилъ въ поле, вечеромъ былъ со всѣми а, послѣ вечерняго чая шель къ себѣ, въ будку.

Нерѣдко устраивались вечера, появлялись близнецы Лупичевы Петръ и Павелъ, и, конечно, приходила Вѣра Стрѣшнева и, конечно, Лена Боровая, и ея братъ кадетъ Костя, — танцы, смѣшныя анекдоты, пѣсни и игры.

Очень весело проходило время.

И душой всякихъ затѣй и развлеченій былъ Карауловъ.

И больше всего старался Карауловъ угождать Олѣ.

А какія дѣлалъ онъ ей изъ коры занятныя лодочки!

Не на людяхъ, а оставаясь вдвоемъ, Карауловъ рассказывалъ Олѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ, объ университетѣ, о лекціяхъ, о профессорахъ и о сво-

ихъ товарищахъ-однокурсникахъ. Онъ перешелъ на второй курсъ и за первый свой учебный годъ, желая постигнуть всю премудрость, перемѣнилъ немало всякихъ специальностей: началъ съ ботаники и прилежно занимался систематикой растений у Горожанкина, потомъ бросилъ систематику и съ головой погрузился въ ракообразныхъ и паукообразныхъ у Зографа, одолѣлъ такую вотъ книжищу, пошелъ къ Столѣтову, завязъ въ физическихъ формулахъ и теперь рѣшаетъ — остановиться ли ему на птицахъ у Мензбира или перейти на юридическій факультетъ и изучать исторію философіи права у Новгородцева.

— Я въ Бога не вѣрю,—сказалъ онъ какъ-то Олѣ.

И очень удивилъ ее: она никакъ не могла и представить себѣ, что можно и притомъ совсѣмъ легко говорить такое.

— Я въ Бога не вѣрю, — повторялъ Карауловъ всякій разъ, когда начинался излюбленный пытливый разговоръ Олинъ.

И когда на молитвѣ, молясь за отца и за мать, за брата, за сестеръ, за любимую бабушку, Оля вспоминала эти слова его, она и за него молилась, чтобы студентъ Карауловъ вѣрилъ въ Бога.

6

На Ильинъ день проводили Катю Рогачеву. Съ кадетомъ Костей она разсталась беззаботно, и слезинки не кануло съ ея шаловливыхъ глазъ: весной, во время экзаменовъ, она влюбилась въ восьмиклассника Пономарькова, теперь съ нимъ предстояло свиданіе, и это свиданіе тревожило ея чувства.

Карауловъ послѣ какого-то мудреного біологическаго разговора, показывая Олѣ своихъ бѣленькихъ мышекъ, попросилъ у Оли подарить ему свою карточку. Оля пообѣщала, но съ условіемъ, что и

онъ свою дастъ. Да само собой, онъ все для нея исполнить и готовъ все сдѣлать и, какъ только пріѣдетъ въ Москву, снимется и сейчасъ же выплетъ. И разъ десять повторилъ онъ это. А когда Оля дала ему свою карточку, счастью его конца не было, и цѣлый вечеръ онъ пѣлъ и ночь пѣлъ у себя въ будкѣ.

— Студентъ-учитель совсѣмъ ума рѣшился, — говорилъ въ людской Ѳедотъ, — зайдешь ночью въ ихъ будку понавѣдаться, не спитъ, а какъ птица по саду ходить, и такія чудеса: «Хочешь, говорить, Ѳедотъ Прохоровичъ, я вамъ глазъ вставлю утиный!» Чудеса.

И вправду, получивъ Олину карточку, Карауловъ дня три ходилъ, какъ птица, и ночами не спалъ, должно быть.

Вечеромъ за чаемъ, и не притронувшись къ своему стакану, вдругъ отчего-то заторопился и только просилъ Олю выдать ему на ночь книгу — ключъ отъ библіотеки хранился у Оли. А когда Оля вышла съ нимъ изъ столовой, онъ подаль ей письмо и, не дожидаясь книги, ушелъ.

Да ему и не надо никакой книги!

Письмо было очень длинное: маленькими буквами, старательно, о его чувствахъ — о любви его къ Олѣ, и предположенія, и обѣщанія, и увѣренія, ну, объяснительное, любовное, и какъ онъ женится на Олѣ и какъ они жить будутъ вмѣстѣ. А въ заключеніе просилъ онъ Олю, чтобы не забывала его, пока онъ университетъ кончитъ.

«А когда я кончу, дастъ Богъ, рѣшится наша судьба».

Кому же не пріятно любовное письмо!

Оля очень была довольна.

Въ пятомъ классѣ въ первый разъ Оля узнала, что въ нее влюбляются гимназисты. И на балахъ, когда подходила третья кадрили — третья кадрили особенная, означаетъ любовь — Оля просто не знала, кого и выбирать: такъ много бывало приглаше-

ній. Кромѣ того, ей рассказывалъ Миша, чья она симпатія, какъ выражались гимназисты и гимназистки, — Миша въ карцерѣ свой человѣкъ, а гдѣ же, какъ не въ карцерѣ, душа нараспашку! Были и такіе гимназисты, куда бы она ни шла — въ гимназію и изъ гимназіи, и въ церкви, а непременно встрѣтятся и, конечно, не случайно.

Въ седьмомъ классѣ — первое признаніе. Семи-классникъ Дагестанскій, по прозвищу Бычокъ, подарилъ Олѣ свою карточку и съ такой надписью: «отъ л..... Леонида Дагестанскаго». А когда Оля взяла отъ него карточку, онъ поцѣловалъ ей руку.

Такихъ карточекъ съ семью точками собралось у Оли къ восьмому классу цѣлый уголокъ шка-тулки, гдѣ хранила она свои драгоценности.

Кому же не пріятно любовное признаніе! Оля очень была довольна.

Но сама она никому еще не написала на своей карточкѣ.

На другой день Карауловъ опять за вечернимъ чаемъ, опять будто за книгой, когда Оля вышла съ нимъ изъ столовой, подалъ ей письмо, а самъ ушелъ.

Письмо оказалось всего нѣсколько строчекъ, но такъ же меленькими буквами, старательно: онъ просилъ Олю притти завтра, въ четыре часа утра, на сѣнокося поговорить съ нимъ.

Оля знала отъ Кати, что сѣнокося — мѣсто ва-тагинскихъ свиданій, куда ходила и Катя и кадетъ Костя, но сама она и не подумала: еще бы, и такую рань, — Оля любила понѣжиться, поваляться въ постели, а тутъ, изволь, въ четыре часа!

Было и еще нѣсколько писемъ такихъ же — одна просьба: поговорить на сѣнокося.

— А что я узнала о Карауловѣ! — сказала Лена.

— Что такое?

— Да ты и представить себѣ не можешь: онъ очень боленъ. Мнѣ Костя рассказывалъ, какіе у не-

го бываютъ припадки, и особенно когда много волнуется.

Оля и Лена шли по саду изъ церкви. Осеннее первое утро смѣнялъ красный воскресный денекъ. Карауловъ позже, чѣмъ въ будни, отправился на почту и еще не возвращался. Лена со словъ Кости рассказывала Олѣ, какіе это у Караулова припадки, какъ онъ весь корчится и пѣна изо рта, и такъ страшно бываетъ.

Оля слушала съ большимъ вниманіемъ. Вотъ чего она никакъ не подумала бы.

— А отчего это бываетъ?

Но Лена не успѣла отвѣтить, какъ сзади, за спиною раздался крикъ, и обѣ шарахнулись другъ отъ друга: Карауловъ бился на дорожкѣ, и было такъ страшно смотрѣть.

Оля подумала, что онъ умираетъ, и скорѣе побѣжала въ домъ позвать кого-нибудь.

И съ этого дня Оля стала къ нему особенно внимательна: къ больнымъ Оля всегда относилась особенно.

А Карауловъ скоро оправился, только былъ очень грустенъ, и когда говорилъ съ Олей, сѣрые глаза его еще больше темнѣли, а ей больше, чѣмъ всегда, казалось, будто у него гдѣ-то больно дѣлается. Онъ не могъ не замѣтить перемѣны — Оля была такъ внимательна! — и опять повеселѣлъ.

Къ концу подходило лѣто, пора было кончать занятія съ Мишей, Караулову ѣхать въ Москву въ университетъ, Олѣ — въ гимназію.

Въ одинъ изъ прощальныхъ вечеровъ, играя въ секретеръ, Оля получила записку — маленькими буквами, старательно: Карауловъ спрашивалъ, что Олѣ въ немъ больше всего нравится?

Оля хотѣла отвѣтить по правдѣ, что она чувствуетъ — какъ ее трогало, что онъ боленъ, а къ

больнымъ она всегда относилась особенно, но такъ не отвѣтила, раздумала, и написала:

«брови, глаза и рѣсницы».

А и дѣйствительно, что у него было прекрасно, это брови, глаза и рѣсницы.

Передъ отъѣздомъ послѣ вечерняго чая, Карауловъ простился и пошелъ къ себѣ. За нимъ на крыльцо вышла Оля и Лена.

Осенняя ночь, — сколько звѣздъ!

Звѣзды-звѣздочки-звѣздные пути — на всѣ стороны.

Звѣздная ночь летѣла беспокойная.

Федотъ, гремя ключами, съ фонаремъ прошелъ по двору къ амбарамъ. По огоньку черная пробѣжала собака за Федотомъ. Изъ сада пахло холодомъ.

И звѣзда упала въ ночь.

— Я васъ такъ люблю! — совсѣмъ тихо сказалъ Карауловъ и поцѣловалъ Олѣ руку.

7.

На Успенье, какъ обѣщалась, пріѣхала въ Ватагино тетка Людмила Павловна. Она помѣстилась въ одной изъ башенъ стариннаго ильменевскаго дома, гдѣ прошли ея молодые незабвенные годы. И съ живою памятью ея о прошломъ въ домѣ ожила ильменевская старина: вѣдь, Александръ Павловичъ въ ея глазахъ все по прежнему младшій братецъ Саша, а былъ еще братецъ Вася и Коля, самый любимый.

«Неоцѣненный братецъ и другъ мой Николай Павловичъ!» — такъ когда-то всегда начинала она всегда длинное свое письмо къ нему въ Санктъ-Петербургъ, а въ концѣ послѣ всѣхъ пожеланій душевной радости, здоровья и лучшаго на свѣтѣ счастья, — «желала бы я и душу переслать, но не

въ силахъ, и я была бы довольна и тѣмъ, когда бы кто-нибудь передалъ мои мысли къ Вамъ, а я уже не въ силахъ».

Раскрывая фортепіано, Людмила Павловна вспоминала горестъ своихъ дѣвичьихъ дней.

— И если тѣснить мою душу, — говорила она, сажусь сейчасъ играть и почувствую облегченіе, когда сойдутъ слезы.

Оля очень любила разспрашивать тетку, какъ было у нихъ прежде, какой былъ папа, когда былъ маленькій, о дѣдушкѣ и бабушкѣ. И теперь, въ этотъ теткинъ пріѣздъ, задержалась для нея еще на день.

И прошелъ этотъ день тихій въ разговорахъ и воспоминаніяхъ.

Съ утра слѣдующаго дня Оля стала собираться въ дорогу, и къ вечеру все было готово.

Пришла Вѣра Стрѣшневa и Лена Боровая. По обычаю всѣ сошлись въ залъ, присѣли, помолчали, потомъ разомъ всѣ поднялись. Оля подошла за Натальей Ивановной и Александромъ Павловичемъ къ чудотворному образу Ильменевской Божьей Матери. Помолчились. И стали прощаться.

Нянька Фатевна, вернувшаяся совсѣмъ недавно изъ дальняго богомолья, sprыснула Олю — матушкой генесаретской водой.

Еще разъ простились, — еще разъ со всѣми крѣпко поцѣловалась Оля.

Наталья Ивановна заплакала.

— Мапочка, родная моя мапочка! — и долго цѣловала ее Оля.

А слезъ никакъ не унять.

— Къ бабушкѣ заѣзжай непременно! — сквозь слезы сказала она и пошла за Олей.

И всѣ пошли.

А Оля, раскраснѣвшаяся, улыбалась своей ясной улыбкой, еще и еще разъ по дорогѣ цѣлуясь, и въ людской и на крыльцѣ еще разъ прощаясь, и въ послѣдній разъ, ужъ совсѣмъ какъ садиться.

Александръ Павловичъ провожалъ Олю до мельницы, перекрестилъ своего котика, какъ называлъ онъ Олю ласково, на облучекъ къ Григорію подѣлъ Ѳедотъ, и поѣхали.

И до самыхъ Лубенцевъ, до самаго Ксаверія Матвѣевича ѣхалъ съ Олей Ѳедотъ.

Разсказывалъ Ѳедотъ, какъ когда-то — давно это было — онъ такъ же вотъ съ Александромъ Павловичемъ и съ покойнымъ Василиемъ Павловичемъ въ гимназію ѣздилъ, и какой былъ Александръ Павловичъ и Василій Павловичъ и какъ тогда было вольготно.

— Эхъ, человѣкъ! — прибавлялъ одноглазый ключникъ, не говоря ужъ, а припѣвая.

Отъ гимназіи перешелъ Ѳедотъ къ болѣе позднимъ временамъ — къ молодымъ офицерамъ Ильменевымъ. Военные разказы его были такъ занимательны, что даже кучеръ Григорій, съ павлиньимъ перомъ, въ своей плисовой безрукавкѣ поверхъ красной маковой рубахи, самъ бывалый, лихо посвистывалъ не столько лошадямъ, сколько отъ удовольствія.

— Эхъ, человѣкъ!

Въ Меженинку пріѣхала Оля во-время, еще спать не укладывались, не спѣша собирали на столъ ужинать. И, какъ всегда, пріѣздъ Олинъ поднялъ переполохъ.

А какое счастье, — конца ему не было! И бабушка и тетушка и Анна Павловна отъ радости съ ногъ сбились. Конечно, нечего было и думать уѣзжать ни завтра, ни послѣзавтра.

И Оля нѣсколько дней прожила у любимой бабушки.

Тихо въ Меженинкѣ благоприятно.

Неторопливая, какъ много лѣтъ, круглый годъ шла жизнь день ото дня не спѣша. Осень вызывала

разговоры о зимѣ. И тетушка Евгенія Алексѣевна съ замазкой возилась въ томъ углу справа отъ кюта, гдѣ любила сидѣть вечерами за пасьянсомъ, тетушка загодя вставляла раму.

Запасовъ на зиму сдѣлано было не мало.

Повела бабушка Олю въ кладовую... Какое варенье! И сколько банокъ и баночекъ, на которыхъ бабушкиной рукой перомъ выведена была надпись:

Олина малина.

Олюшкина любимая малина.

Олина земляника.

Олюшкина любимая земляника.

Олинъ персикъ.

Олюшкина бѣлая вишня.

Барбарисъ безъ косточекъ Олинъ.

— Червь яблоко поѣлъ поѣдучій, — сѣтовала бабушка, — нѣтъ сей годъ яблока ни нашего, ни китайскаго. А у тетушки еще вонъ лѣтошняго цѣлый верхъ!

Но тетушка Евгенія Алексѣевна никому своего варенья не дастъ и не проси, и Олѣ, къ огорченію бабушки, не достанется нынче любимаго ея варенья — Олина яблочнаго.

Изъ кладовой повела бабушка Олю въ маленькую кладовую, гдѣ стояли всякія соленья и очень хорошо пахло. И тамъ подарила ей бутылку одеколону собственнаго приготовленія и тутъ же растолковала, какъ одеколонъ дѣлается, открывъ секретъ только для Оли.

Оля памятливая, ей и записывать не надо, она и такъ все запомнить, и сама бабушкѣ не бутылку, а ведро одеколону приготовить.

Неторопливо, какъ все, что дѣлалось и говорилось въ Меженинкѣ, перечислила бабушка составъ, сколько и чего надо взять, сколько спирту виннаго, совершенно очищеннаго отъ сивушнаго запаха и

сколько масла: бергамотнаго, лимоннаго, размариннаго, левандоваго и померанцевыхъ цвѣтовъ.

— И все это положить въ спиртъ въ бутылъ, взболтнуть хорошенько, и одеколонъ готовъ. Онъ будетъ мутенъ, но въ нѣсколько дней отстоится и, когда будетъ совершенно свѣтелъ, то слить осторожно; а подонки перепустить сквозь бумагу. Одеколонъ готовый, слитый въ бутылки, завязать пузыремъ. Чѣмъ долѣе будетъ стоять, тѣмъ будетъ совершеннѣе.

За вечернимъ чаемъ вспомнили старое, какъ была бабушка молодая, тетушка молодая, Анна Павловна молодая. Первая бабушка, за бабушкой тетушка, за тетушкой Анна Павловна.

Анна Павловна не упустила случая и рассказала, какъ генераль Ольховскій дѣлалъ ей предложеніе, а она отказала. Оля не могла удержаться, заспорила. И, какъ всегда, разсердила бабушку.

Ну, а потомъ все помирилось.

Ахъ, какъ жаль,
Что камаль
Вышелъ ужъ изъ моды.
Скоро шаль
И вуаль
Спрячутся въ комоды...

— напѣвала Анна Павловна, несчастная во всѣхъ отношеніяхъ.

Оля спрашивала бабушку, какъ было прежде, какая была мама, когда была маленькая, про Кострому.

Бабушка не сразу отвѣчала.

— Погоди! — такъ всегда начинается бабушка и смотреть такими добрыми и ясными глазами, — это было въ домѣ у Рязановскихъ, нѣтъ не у Рязановскихъ, Рязановскій жилъ на Царевской, а нашъ домъ на Русиной... — и медленно добирался

до самаго главнаго, до старины — своей молодости, когда совершались въ мірѣ событія.

— Въ старину было лучше, — говоритъ бабушка, и тетушка, и Анна Павловна.

А неужели и въ самомъ дѣлѣ бабушка была молодая, тетушка молодая и Анна Павловна молодая!

Ахъ, какъ жаль,
Что камаль
Вышелъ ужъ изъ моды.
Скоро шаль
И вуаль
Спрячутся въ комоды...

*

Тихо въ Меженинкѣ, благопріятно.

Пожила бы Оля и еще — посмотрите, какой золотой садъ, какія астры, а какія ночи! — да нельзя: пора, пора Олѣ въ гимназію.

— Какъ бывало, уѣзжать мнѣ изъ Ватагина, — поминала бабушка, провожая Олю, — такой ты крикъ на весь домъ подымешь, и, бывало, не унять ничѣмъ, и я, бывало, въ ручку тебѣ серебра для забавы, передамъ тебѣ, ужъ и не знаю сколько, а ты все плачешь, не отпускаешь. Только обманомъ и уѣзжала. А вотъ нынче я слезами плачу.

Бабушкина тяжелая наточанка, къ развлеченію меженинскихъ куръ и индюшекъ, долго стояла у крыльца и застоялась, куры и индюшки успѣли привыкнуть и по-прежнему ходили безъ вниманія, а бабушкинъ Кононъ порядкомъ всхрапнулъ, пока-то Олю нарядили въ дорогу, съ Олюшкой простились и еще разъ, и еще разъ, и еще разъ, какъ тамъ дома.

— На Рождество, бабушка! — все обертывалась Оля, улыбаясь своей ясной улыбкой, пока тяжелая наточанка, завернувъ за церковь, не пропала изъ глазъ.

А онѣ три стояли на широкомъ крыльцѣ: одна всѣхъ выше и дороднѣе — бабушка, другая — одна кость, вскинувъ темные, когда-то прекрасные, теперь грозные большіе глаза, — тетушка, и третья, самая маленькая и несчастная, — Анна Павловна.

«А какъ ты выѣхала, другъ мой, Олюшка, — писала бабушка Олѣ въ гимназію, — я, какъ сумасшедшая сдѣлалась, плакала, томилаcь душой о тебѣ и беспокоилась. По гробъ мой бабушка твоя, Татьяна Алексѣевна».

8

Изъ Москвы отъ Караулова часто получились письма и все длинныя, какъ то, первое, маленькими буквами, старательно.

Онѣ описывалъ Олѣ всѣ свои надежды и разочарованія — всю жизнь свою: онѣ перемѣнилъ исторію философіи права на финансовое, а финансовое право на химію, Янжула на Сабанѣва, онѣ пройдутъ неорганическую и органическую и тогда будетъ слушать Ключевского. И каждое письмо его проникнуто было его неизмѣнной любовью и мечтой о томъ будущемъ счастливомъ, которое рѣшить Оля. Получилась и его карточка —

«въ память жаркаго лѣта».

Оля написала ему раза два и очень кратко.

Писать письма вообще она не любила, а кромѣ того, съ каждымъ письмомъ Караулова, и чѣмъ оно было нѣжнѣе, тѣмъ рѣзче подымалось въ ея душѣ такое чувство — тягота отъ его какого-то права на нее такъ ей писать и на что-то надѣяться и ждать отъ нея чего-то, и тягота эта переходила въ раздраженіе — ненависть къ нему.

Какими счастливыми считала она подругъ своихъ, которымъ, какъ она думала, никто такъ не писать и не имѣть этого права, которыя однѣ и со-

всѣмъ свободныя. И одно было желаніе: что угодно, все, что угодно, она сдѣлаетъ, лишь бы избавиться отъ него и отъ его какого-то права.

И по мѣрѣ того, какъ тягота переходила въ раздраженіе, въ ненависть, ее охватывало и отвращеніе къ нему.

Какая счастливая она была до всѣхъ этихъ писемъ! Какая счастливая будетъ она, когда освободится отъ него!

И вотъ она рѣшила, во что бы то ни стало, увидаться съ Карауловымъ и взять у него свои письма и карточку. И тѣмъ все кончить.

Такъ все и кончится.

Правда, не очень скоро, а представился случай.

На Рождественскія каникулы студенты обыкновенно съѣзжаются куда до Рождества. Въ самомъ началѣ декабря пріѣхалъ и Карауловъ.

Восьмой классъ Оля жила у Зубаревыхъ. Александра Тимоѣевна Зубарева, жена доктора, пріятельница Натальи Ивановны. Въ домѣ за Олей ухаживали, и жить ей было свободно: къ ней относились, какъ къ взрослой, — восьмикласница!

Узнавъ, что пріѣхалъ Карауловъ, Оля написала ему, чтобы онъ пришелъ къ ней въ воскресенье. А какъ разъ на воскресенье, неожиданно для нея, взяты были билеты въ театръ на оперу.

Послѣ обѣда Оля съ Александрой Тимоѣевной вышли погулять и гуляли довольно долго, а когда вернулись, сидитъ Карауловъ.

Карауловъ ждалъ Олю.

Оля съ морозу, какъ морозка, была морозная и въ красной кофточкѣ. Какъ онъ ей обрадовался, онъ сталъ, было, спрашивать, что она думаетъ, какъ живетъ.

Александра Тимоѣевна торопила Олю: Олѣ надо еще переодѣться.

И когда Оля была готова — она не успѣла сказать съ нимъ и двухъ словъ — втроемъ они вышли на улицу.

Улучивъ минуту, Оля сказала ему, что думала все время и зачѣмъ вызвала его: онъ ей долженъ отдать ея письма и карточку.

— Неужели вамъ надо? — Карауловъ остановился.

— Скорѣе давайте! Скорѣе! — торопила Оля.

Онъ разстегнулъ шинель, полѣзъ за воротъ, вытащилъ оттуда конвертъ и подалъ Олѣ.

Александра Тимоѣевна наняла извозчика и звала Олю: очень беспокоилась, не опоздать бы. Оля поспѣшила къ ней. А когда оглянулась, его ужъ не было.

Но объ этомъ Оля и не вспомнила. Оля любила музыку и была очень довольна оперой, она готова была хоть каждый день слушать.

И на понедѣльникъ Зубаревы достали билеты, и въ понедѣльникъ Оля съ Александрой Тимоѣевной опять пошли въ театръ на оперу.

Послѣ театра за чаемъ докторъ, мужъ Александры Тимоѣевны, рассказывалъ всякія городскія новости и, между прочимъ, замѣтилъ:

— Какой случай! Сегодня привезли къ намъ въ больницу, повѣсился студентъ... Карауловъ. Покупалъ револьверъ, не продали, въ гостинницѣ ночью повѣсился.

— Карауловъ? Что-то знакомое! — сказала Александра Тимоѣевна.

Но Оля молчала, Оля не хотѣла показать, а тамъ — — холодное что-то ползло...

И всю ночь она проходила по комнатѣ и дрожала.

Припомнила все — первый веселый вечеръ, «цензуру», все лѣто. «Неужели вамъ надо?» — повторилось и повторилось съ такимъ сильнымъ его удареніемъ: «неужели?» Но, вѣдь, она не успѣла его спросить, она ничего не знаетъ, и, можетъ быть, не въ ней тутъ причина, а другое? Она не успѣла его ни о чемъ спросить!

И та мысль, что, может быть, причина совсѣмъ не въ ней, а другое, немного успокоила ее, и подъ утро она заснула.

И ей приснилось, — ей снится, будто могила и большой, такой большой крестъ, и она знаетъ, что это могила Караулова, — сѣла она на могилу и слышитъ, голосъ оттуда, изъ могилы:

«Охъ, какъ тяжело!»

. 1909 — 1921 г.

Книги Алексѣя Ремизова

- ПОСОЛОНЪ. Сказки. Съ рис. Н. Н. Крымова. Изд. Золотое Руно. М. 1907 (Распродано).
- МОРЩИНКА. Сказка. Съ рис. М. В. Добужинскаго. Изд. Шиповникъ. Спб. 1907 (Распродано).
- ЛИМОНАРЬ. Апокрифы. Изд. Оры. Спб. 1907 (Распродано).
- ПРУДЪ. Романъ. Обл. рис. М. В. Добужинскаго. Изд. Сиріусъ. Спб. 1908 (Распродано).
- ЧТО ЕСТЬ ТАБАКЪ. Гонсіева повѣсть. Съ рис. К. А. Сомова. Изд. Сиріусъ. Спб. 1908. Въ 25-и им. экз.
- ЧАСЫ. Романъ. Обл. рис. М. В. Добужинскаго. Изд. Еос. Спб. 1908 (Распродано).
- ЧОРТОВЪ ЛОГЪ. Разказы. Обл. рис. М. В. Добужинскаго. Изд. Еос. Спб. 1908 (Распродано).
- РАЗСКАЗЫ. Изд. Прогрессъ. Спб. 1910 (Распродано).
- СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Въ 8-ми томахъ съ портр. автора, рис. М. В. Сабатниковой. Изд. Шиповникъ-Сиринъ. Спб. 1910—1912 (Распродано).
- ПОДОРОЖІЕ. Разказы. Изд. Сиринъ. Спб. 1913 (Распродано).
- ДОКУКА И БАЛАГУРЬЕ. Сказка. Изд. Сиринъ. Спб. 1914 (Распродано).
- ЗА СВЯТУЮ РУСЬ. Разказы. Съ рис. Н. К. Рериха. Изд. Отечество. Прг. 1915 (Распродано).
- УКРЪПА. Сказки. Обл. рис. Е. И. Нарбутъ. Изд. Лукоморье. Прг. 1916 (Распродано).
- СРЕДИ МУРЪЯ. Разказы. Изд. Сѣверные дни. М. 1917 (Распродано).
- НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ. Сказанія. Съ букв. С. В. Чеховина. Скл. изд. Парусъ Пгр. 1917 (Распродано).

- НИКОЛА МИЛОСТИВЫЙ. Николины притчи. Изд. Колось. (Коробейникъ № 10) Прг. — М. 1918 (Распродано).
- РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Сказка. Изд. Скифы. Пб. 1918 (Распродано).
- СТРАННИЦА. Повѣсть. Изд. Револуц. Мысль. Пб. 1918 (Распродано).
- О СУДЬБѢ ОГНЕННОЙ. Слово. Съ рис. Е. Туровой. Изд. Сегодня. Прг. 1918 (Распродано).
- СНѢЖОКЪ. Сказка. Съ рис. Е. Туровой. Изд. Сегодня. Прг. 1918 (Распродано).
- СИБИРСКІЙ ПРЯНИКЪ. Сказка. Обл. рис. А. Ремизова. Изд. Алконостъ. Пб. 1919 (Распродано).
- ЭЛЕКТРОНЪ. Отъ словъ Гераклита. Обл. рис. А. Ремизова. Изд. Алконостъ. Пб. 1919 (Распродано).
- БѢСОВСКОЕ ДѢЙСТВО. Представленіе. Обл. рис. А. Ремизова. Изд. ТЕО. Пб. 1919 (Распродано).
- ТРАГЕДІЯ О ІУДѢ. Изд. ТЕО. Пб. 1919 (Распродано).
- ЦАРЬ МАКСИМИЛІАНЪ. Театръ. Обл. рис. Ю. П. Анненкова. Изд. Алконостъ-Госизд. Пб. 1920 (Распродано).
- ЗАВѢТНЫЕ СКАЗЫ. Съ обезьян. грам. А. Ремизова. Изд. Алконостъ. Пб. 1920 (Распродано).
- ЦАРЬ ДОДОНЪ. Сказка. Съ рис. Л. С. Бакста. Изд. Обез. вел. вол. пал. Пб. 1921 (Распродано).
- СКАЗКИ. Съ рис. на линол. Илен. Изд. Скифы. Чита. 1921. (Распродано.)
- ШУМЫ ГОРОДА. Разказы. Изд. Библиофилъ. Ревель 1921.
- ОГНЕННАЯ РОССІЯ. Слово и память. Изд. Библиофилъ. Ревель. 1921.